

Э. Поль.

ДОЛГОРОЗА.

1915 г. Пробужденіе № 17-й

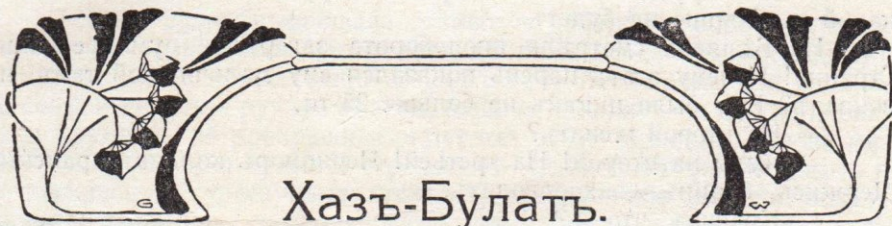

ЛУИ ПАСТЕРЪ.

Знаменитый французскій химикъ и бактериологъ.

Къ 20-лѣтню со дня смерти.
1895—1915.

Хазь-Булатъ.

Разсказъ А. А. Измайлова.

...Природа ей въ приданое дала
красу, распространяющую радость...
Шекспиръ.

I.

Въ ранней молодости, послѣ немножко безпокойнаго, прерывающагося, но обновляющаго сна въ вагонѣ, хорошо весной въѣзжать въ незнакомый городъ—рано утромъ, когда на станцію тянутъ встрѣчныя одноколки, или въ сумерки, когда звонятъ ко всеобщей и незнакомымъ бородатымъ старикамъ на незнакомыхъ улицахъ закрываютъ лавки на тяжелые желѣзные болты до понедѣльника.

Весело ѣхать по улицамъ въ повозкѣ, которая стучитъ на весь городъ, сосредоточивая на себѣ взгляды приказчиковъ у первобытнаго гостинаго двора съ голубями и просыпаннымъ овсомъ, барышень съ книжками и озабоченныхъ чиновниковъ. Еврей въ отцовскомъ лапсердакѣ остановилъ свой бѣгъ, смотритъ вслѣдъ пріѣзжему, нюхаетъ воздухъ и считаетъ его чемоданы. И по шевелящимся блѣднымъ губамъ ясно, что онъ соображаетъ, гдѣ остановится пань—въ «Европейской» или въ «Бель-Вю».

Хорошо идти въ новое и неизвѣстное, къ стариннымъ башнямъ и незнакомымъ домамъ, къ ветхимъ старикамъ, запомнившимъ изъ прошлаго только грозное—наводненія, пожары, кометы,—къ прекраснымъ женщинамъ, тоскующимъ съ нелюбимыми мужьями, и дѣвушкамъ, полнымъ тайны. Вотъ одна изъ нихъ прошла, повела черной бровью на незнакомога молодого человѣка въ пролеткѣ и опустила рѣсницы. Неожиданно для себя Бѣляевъ оглянулся,—во всѣ глаза смотритъ дѣвушка ему вслѣдъ. Студентъ улыбнулся радостно и молодого, какъ улыбается человѣкъ самъ себѣ, когда ему двадцать три года.

Хорошо въ незнакомомъ городѣ, гдѣ и самъ онъ всѣмъ невѣдомъ и любопытенъ, и жаль будетъ завтра отсюда уѣзжать. По опыту зналъ, что будетъ жаль,—всегда было жаль. А ихъ въ особенности,—всѣхъ эгихъ помѣщичьихъ дочекъ, робкихъ поповенъ, чиновничьихъ воспитанницъ, скучающую барышню у станціоннаго кіоска, евреекъ съ узывнымъ разрѣзомъ обаятельныхъ, влажныхъ, обещающихъ, умѣющихъ таить тайну глазъ.

Бѣляевъ не думалъ о ночлегѣ. Въ карманѣ лежало письмо отъ земскаго доктора Захарчука къ мѣстному фельдшеру съ вульгарной фамиліей Синегубъ. Старикъ долженъ былъ принять его и дать ему ночлегъ. На вокзалѣ не было нужды говорить его адресъ. Кто же въ городѣ не знаетъ Синегуба?

— Одинъ живетъ, али со старухой?—спросилъ студентъ.

— Со старухой? Эге-жъ! Хороша старуха! Во, гляди на меня, какой я. Старше не будетъ.

На Бѣляева смотрѣло вполоборота загорѣлое румяное лицо. Странно! Почему этотъ парень показался ему мальчишкой тамъ, на вокзалѣ? Ему было никакъ не больше 25-ти.

— На второй женатъ?

— Куды на второй! На третьей! Черноморъ колдунъ арапскій Держись. баринъ,—захороводить.

— Красива, что-ль?

— Лебедь! За красоту взялъ. Солдаткина спитомка. А шляпку надѣнь—ни дать, ни взять барыня. Такъ скажемъ—лучше всякой барыни. Отъ чиновниковъ отбою нѣтъ. Па-гѣха!

Онъ не засмѣялся, а залился хохотомъ, показавъ среди бѣлыхъ, здоровыхъ зубовъ портившую молодое лицо брешь.

— Зубы-то гдѣ посѣялъ?

— Лошадь выбила. Говорятъ, господа отъ другого человѣка вставляютъ. Не знаю, вѣрить, ай нѣтъ? А я-бы ни въ жизнь! Мнѣ, господинъ, чужой зубъ во рту противно!..

II.

— Я самый и есть Синегубъ! А зовутъ меня Василій Ѳедотычъ, а чертоги наши вотъ. Склоните главу, если не желаете получить не-свойственное мужчинѣ украшеніе, сирѣчь рогъ.

Старикъ, юркій и подвижной, чуть-чуть паясничалъ. Было что-то обезьянье въ его желтомъ лицѣ, точно обшитомъ мѣхомъ,—такъ рѣзко отгѣнялась сѣдая борода отъ пергаментной кожи. Гостю хотѣлъ угодить,—гость былъ начальству родня. У незамѣтнаго порога показалъ даже видъ, что готовъ поддержать подъ локотокъ. Но острые мелкіе глаза всматривались подозрительно и недоброжелательно. Привычно караулили. Надо не надо—человѣку въ такомъ возрастѣ слѣдуетъ держать ухо востро.

— Вотъ-съ и все недвижимое и движимое,—законная жена, Калерія Ниловна, фамильная портретная галерея, сундуки съ золотомъ, скворцы и снigiри, коихъ воспитываю, и другъ-пріятель, пѣвчій отъ Спаса на Бору—Гмыза.

Старикъ сдѣлалъ плавный округлый актерскій жестъ. Какъ всегда, это былъ наиболѣе неловкій моментъ. Кому подавать руку, кому нѣтъ? Но жена сама встала и поздоровалась, и Гмыза тяжело шагнулъ и пожалъ руку, не безучастно, а могуче, какъ равный равному. Скворцы въ клѣткахъ были уже накрыты на ночь грязными парусинными чехлами. Только одинъ обезпокоился и, прыгая по пруту, раскачалъ клѣтку. Портретную галерею замѣняла стѣнка убогихъ, разнокалиберныхъ, повидимому, самодѣльныхъ рамокъ, съ засиженными мухами рыжими фотографіями. Гость былъ огромный, тяжелый человѣкъ въ страшныхъ сапогахъ, съ огромными руками, съ басыстымъ голосомъ. Такіе, вѣроятно, и думаютъ басомъ, и мысли у нихъ тяжелыя и буйныя. Передъ молодымъ пѣвчимъ стояла водка въ простой монопольной бутылкѣ и пустой грязный стаканъ.

Но какъ только Калерія поднялась, пожала его руку и снова сѣла къ окну, для студента все стало второстепеннымъ и незанимательнымъ, кромѣ нея. Какая красота, какая буйственная красота и гдѣ! И какъ точно мужицкое слово! Лебедь! Нельзя лучше сказать,—гордая, сильная, гибкая, царственная!

Отходя, Калерія показала открытую широкимъ воротомъ шею, смуглую, очаровательно загорѣлую, съ тѣмъ нѣжнымъ, бронзовымъ отливомъ, какой искусственно дѣлаетъ себѣ парижанка для салона. Широкіе и короткіе рукава платья, больше похожаго на капоть, обнажали крупныя, но прекрасныя округлыя руки. Присѣвъ, она на минуту взяла съ окна дрянное зеркало въ засиженной черной рамкѣ и поглядѣлась въ треснувшее стекло. Далекая тѣнь улыбки повела уголокъ влажныхъ чувственныхъ губъ. Стекло удовлетворило ея дикарское кокетство. Все было дивно хорошо! Рука машинально тронула виски, слегка затѣненные прической, простой, но на городской лады, не по-бабы.

— Вотъ-съ, молодой человекъ втираетъ мнѣ очки,—заговорилъ фельдшеръ, когда Бѣляевъ успѣлъ вымыться съ дороги и выпить залпомъ поль-кувшина молока. — Снигиря за полтора цѣлковыхъ торгуетъ! А видаль, какъ лягушки скачутъ?—Онъ безцеремонно сложилъ кукишъ и, сжимая и разжимая черный большой палецъ, заерзалъ рукой по столу.—Онъ у меня, голубь, одного сѣмя больше полтора рубля склеваль!

— Помѣшался на снигиряхъ!—сказала Калерія, повидимому, больше себѣ, чѣмъ кому-либо. Голосъ у нея сейчасъ былъ неласковый, довольно низкій, грудной, но студенту онъ показался чарующимъ.— Куда какъ имъ про твоихъ снигирей интересно!

— Что-жъ! Не скрываю,—отгрызнулся Синегубъ.—Люблю птицу, прирабатываю птицей! И отъ господина доктора Захарчука не считаю нужнымъ скрывать,—да-съ, не считаю. Ибо иначе отъ своего дѣла былъ-бы яко нагъ, яко благъ. А между прочимъ—жена красавица и безъ нарядовъ не могутъ. Птичій профессоръ есмь! Соловья любого послушаю и въ лучшемъ видѣ поставлю діагностъ,—курскій, али кievскій, али австрійскій. Ежели захочу, кенора могу научить пѣть «Ахъ, вы сѣни».

— Чаю-бы лучше панычу предложилъ, али водченки. Небось, пьютъ водченку?..

Она называла водку ласково, уважала водку. «Можетъ быть, сама не пренебрегаетъ рюмкой—другой», подумалъ Бѣляевъ. Все наслоило странное и тревожащее чувство неожиданности красоты тамъ, гдѣ до такой степени ей было не мѣсто. Это странное чувство охватывало Бѣляева всякій разъ, когда онъ видѣлъ красивую женщину, несущую, напимѣръ, тяжелую ношу, идущую вслѣдъ за шарманкой, или открыто продающуюся. Онъ былъ еще молодъ, жилъ безъ женщины, и отъ этой второй разъ обращенной къ нему думы красавицы, его сердце заныло сладкимъ волненіемъ.

— Водку я могу только передъ объдомъ. И за чай благодарствуйте. Вотъ молока еще выпью,—отвѣтилъ онъ, радостный, что можетъ обращаться къ ней.—Вотъ, я очень радъ, что добрался къ вамъ до грозы. Будетъ гроза.

— Гроза будетъ!—увѣренно и твердо сказалъ Гмыза, точно гвоздемъ прибилъ.

— Вымочить тебя, Сашка!—сказала Калерія, и прекрасное лицо съ большими ласкающими глазами расцвѣло веселой, юной улыбкой, и между алыхъ, пухлыхъ губъ на минуту сверкнуло что-то молочно-бѣлое. Она говорила такъ, точно была рада, что Гмызу вымочить.

— На здоровье!—густо сказалъ Гмыза, обласкавъ ее взглядомъ и поведя синеватые бѣлки красивыхъ цыганскихъ лукавыхъ глазъ въ

сторону студента. Только въ эту минуту Ббляевъ почувствовалъ, что Гмыза тоже красивъ, чертовски красивъ молодостью, силой, дикарствомъ, прямою, не знающей лести. Польеть грозовымъ дождемъ,— и это ему, что степному цвѣтку. Двое ихъ тутъ пара. Зачѣмъ этотъ третій, старикъ!

— Чѣмъ ужъ и угостить васъ, не знаю!—протянула Калерія кокетливо-жеманно, медвянымъ голосомъ, какимъ говоритъ простая женщина съ мужчиной, желая быть привѣтливой.—Спѣть, что-ль, да сыграть, Федотычъ? Благо, и Сашка тутъ. Споемъ, Саша?

III.

Она знала, чѣмъ хвастала. Старикъ оказался превосходнымъ гитаристомъ. Сухое дерево засмѣялось, застонало, заплакало подъ его рукой, когда, провѣряя лады, онъ продѣлалъ какую-то сложную, какъ-бы вступительную вариацию. Пергаментное лицо ожило, пошло тысячей мелкихъ добрыхъ морщинъ, добрыхъ и жалкихъ. Теперь студентъ съ грустью понялъ, что въ самомъ дѣлѣ могъ быть часъ, когда Калерія пошла на приманку таланта. Но ушло. Должно было уйти. Ибо тутъ уже старость и канунъ смерти.

— Ну, «Хазъ-Булата», что-ли?—сказала она задорно.

Калерія не спрашивала, а назначала. И, одернувъ юбку, она безильно уронила на животъ прекрасныя большія руки и, чуть-чуть поднявъ голову, устремила взглядъ куда-то впередъ, мимо людей.

Они сдвинулись вразъ, Калерія и Гмыза, какъ снимаются два коня въ одной упряжи, или двѣ вспугнутыя птицы. У пѣвчаго былъ великолѣпный мрачный басъ, стихійный и невоздѣланный, которымъ онъ владѣлъ не умѣньемъ, не выучкой, а инстинктомъ природы, какъ владѣлъ-бы искусный фехтовальщикъ, если-бы въ его руки попала вмѣсто рапиры дубина.

Пѣсня была знакомая, избитая, обаналенная гармониками, играющими ее подъ заборами любой фабрики. Но впервые теперь, въ этомъ чудесномъ исполненіи, Ббляевъ почувствовалъ трагизмъ обращенія молодого любовника къ старику Хазъ-Булату, чтобы тотъ отдалъ ему молодую жену за богатство. Молодой сулилъ старику свои кинжалы и винтовки, персидскіе ковры и золотую казну въ бѣдную саклю. Страсть и тоска неисходная слышались въ молодыхъ голосахъ. Старый фельдшеръ не пѣлъ, только шевелилъ губами и смотрѣлъ на корявые, обожженные йодомъ и ляписомъ пальцы, касавшіеся струнъ такъ нѣжно и тонко, какъ крылья бабочки.

— «Подъ чинарой густой мы сидѣли вдвоемъ... Мѣсяцъ плыль надъ рѣкой, все молчало кругомъ»...—разсказывала пѣсня, и студентъ, совершенно захваченный ею, видѣлъ и свѣтлую ночь, и блики мѣсяца, винтомъ пронизавшіе рѣку, и обросшія скалы по берегамъ, и князя, и молодую черкешенку, совсѣмъ такихъ, какими были вотъ эти, одинъ—весь сила и устремленіе, съ золотистымъ пухомъ на загорѣлыхъ щекахъ, другая—съ прекрасными, вдругъ углубившимися и потемнѣвшими глазами, съ чудесными руками, подъ сильнымъ объятіемъ которыхъ можно было умереть отъ счастья.

Между страстными мольбами любовника и отвѣтомъ ревниваго старика, очевидно, по заученному, всѣ трое сдѣлали мгновенную паузу. Только гитара плакала нѣжно-нѣжно подъ пальцами, не хватающими, а ласкающими струны. И вдругъ опять всѣ трое ударили сразу, и

въ отвѣтъ загремѣли затаенно гнѣвныя, желѣзныя ноты, говорившія о невозвратномъ, непоправимомъ и о власти Рока.

Князь, разскажь ясенъ твой,	Я невѣрну жену
И напрасно ты рекъ:	Тебѣ даромъ отдамъ!
Вась съ женой молодой	Я ей очи закрытьъ,
Я вчера подстерегъ.	Утопая въ слезахъ.
Береги, князь, казну	Поцѣлуй мой застыль
И владѣй ею самъ,	У нея на устахъ...

— Откуда это имъ, кто училъ ихъ?—кричало все въ Бѣляевѣ, когда Сашка, съ мучительной энергіей подчеркнулъ это «даромъ», да такъ, что въ словѣ послышалась и дьявольская издѣвка, и бездна презрѣнія къ той, убитой, что стала уже падалью. Не вѣрилось, чтобы такіе прекрасные звуки, такія сокрушительныя переживанія шли отъ этого простаго пѣвчаго, вѣроятно, гуляки, можетъ быть, настоящаго запивохи, въ смазныхъ сапогахъ, съ гривой нечесанныхъ волосъ.

Студентъ почувствовалъ, какъ холодокъ пробѣжалъ по корнямъ его волосъ. Жестокая пѣсня! То, что она пѣла, было вотъ тутъ, передъ нимъ, разыграно въ лицахъ, выстрадано не сегодня и не вчера, а, можетъ быть, мѣсяцами и годами. Какой злой демонъ бросилъ имъ сюда эти слова, эту мелодію, этотъ сарказмъ про всѣхъ ихъ троихъ! Кто, наконецъ, изъ троихъ придумалъ это мучительное самоподжариваніе на раскаленной сковородѣ?

Мысли новыя и совершенно необычныя унесли студента въ сторону отъ прямого смысла этой пѣсни. Дальнѣйшія строки о томъ, какъ любовникъ убилъ старика, и самъ бросился въ волны, казались уже блѣдными и мелодраматическими послѣ того, что ему было разсказано сейчасъ. Какое-то одно пошлое слово врѣзалось въ пѣсню и испортило ее. Вдругъ, далекая, безгромная молнія прорѣзала стемнѣвшій за окномъ воздухъ. На всемъ ходу пѣсни старикъ стряхнулъ пальцы съ гитары, мелко закрестилъ перси и сказалъ:

— Святъ, святъ, святъ Господь Богъ Саваоѣ! Охъ, грѣшники, въ грозу распѣлись! Лучше-бы божественное. Калерія, закрой въ спальнѣ окошко.

— Ну, а я пошелъ!—лѣниво сказалъ Гмыза.—Про снигиря, значить, завтра снова-здорово...

Онъ всталъ, тряхнулъ головой, точно сбрасывая гнетъ какихъ-то мыслей и, тяжело передвигая огромные сапоги, обошелъ всѣхъ, пожимая руки.

IV.

Синегубъ самъ свелъ студента въ его комнату. Самъ принесъ ему одѣяло и заплывшую сальную свѣчу въ бутылкѣ съ этикеткой «Карболовый растворъ» и присѣлъ на кровать. Это было что-то въ родѣ «амбулаторной»,—наѣзжая, докторъ дѣлалъ здѣсь пріемъ. На некрашенномъ березовомъ столѣ лежала стопка отчетныхъ книгъ, стояли стеклянки со стеклянными пробками, но аптекой не пахло.

— Говорите, понравилось?—сказалъ фельдшеръ, усаживаясь и обминая около себя матрацъ.—Польщенъ! И я такъ полагаю, что супружница моя съ такимъ голосомъ не пропала-бы, а Гмызъ давно въ архіерейскій хоръ предлагали. Лодыръ, все больше насчетъ водки да бабъ. Однако, справедливость требуетъ сказать—голосъ выдающійся!

Чтобы доставить удовольствіе старику, студентъ выразилъ восторгъ предъ его игрой. Онъ не льстилъ,—игра очаровала его.

—Такіе-ли бываютъ игроки!—фальшиво-смиренно сказала фельдшеръ, отлично знавшій себѣ цѣну.—Но, вѣдь, тутъ, позвольте, слова-то какія! Слова, я вамъ скажу, нестерпимыя. Противъ такихъ словъ жестокихъ какое же сердце устоять можетъ? Я такъ полагаю, что послѣ такой пѣсни мужчина, который къ женщинѣ подѣзжающій, долженъ оглобли поворотить въ сторону, не иначе. Ибо спастъ кинжаломъ въ груди хотя и весьма поэтично, но кому же захочется? И хотя ваше сочувствіе, разумѣется, на сторонѣ великолѣпныхъ любовниковъ, не скрою-сь. мое—на сторонѣ Хазь-Булата. Ежели, сударыня, вамъ пріятнѣе не со старичкомъ-сь...—онъ сказалъ гнусное, площадное слово и просто не замѣтилъ его по привычкѣ, даже не понизилъ голоса,—какого же дьявола, позвольте васъ спросить, вы подѣ его кровомъ живете, хлѣбъ-соль жрете и сѣдые его волосы позорите? И зарѣзаль-бы!—Старикашку точно поддало токомъ, онъ такъ и вскинулся на кровати и нервно подбросилъ руки,—зарѣзаль-бы и въ грѣхъ себѣ не вмѣнилъ! Вотъ-сь вамъ крестъ (онъ нарочито широко и выразительно положилъ пальцы на лобъ, на животъ и плечи) и присяжные оправдали-бы. Виновенъ, но заслуживаетъ снисхожденія, ибо, хоть и старикъ, но жиленый да костяной, а не деревянный-сь и не глиняный-сь и имѣлъ свое чувство. Кто подойдетъ,—убью!

Старикашка говорилъ съ такимъ вкусомъ, въ глазахъ такъ задорно блеснулъ бликъ свѣчи, что ужъ, видимо, рѣчь шла о немъ самомъ, а не о томъ старомъ черкесѣ. «Старый шутъ дѣлаетъ мнѣ предостереженіе, или ужъ у него такъ наболѣло?» спросилъ себя студентъ, и ему хотѣлось одного, чтобы фельдшеръ скорѣе ушелъ, оставилъ его наединѣ съ красивой думой о необыкновенной встрѣчѣ. Синегубъ точно понялъ это по его короткимъ отвѣтамъ и, вдругъ оборвавъ рѣчь, поднялся и сухо пожелалъ покойной ночи.

Свѣчка въ бутылкѣ перерѣзала полъ и потолокъ изломанной тѣнью. Отрывной календарь на стѣнѣ показывалъ прошлый понедѣльникъ. Очевидно, листки не отрывались отъ пріѣзда доктора до пріѣзда. Запущенный человѣкъ! И что за нелѣпость здѣсь, рядомъ съ нимъ, она, красота, смотрящаяся въ битое зеркало, живущая въ одной клѣткѣ со скворцами, среди кукишей и скверныхъ словъ! Старый шутъ зоветъ ее—такую!—супружницей и, можетъ быть, она тянетъ водку. Студентъ торопливо раздѣлся, дунулъ на свѣчу и легъ.

И опять мысль о томъ, что пѣла пѣсня, вернулась и привязалась, какъ привязывается мотивъ, отъ котораго не отдѣлаться цѣлый день. Теперь уже было ясно, кто ее пустилъ въ обиходъ и для чего она была нужна. Ее пѣли здѣсь, какъ предостереженіе однимъ и острастку другой. Можетъ быть, будетъ день, когда ее здѣсь доскажутъ до конца, и въ газетной хроникѣ, гдѣ нѣтъ ни красокъ, ни лицъ, ни образовъ, люди апатично прочтутъ, что мѣщанинъ-фельдшеръ въ ***скомъ уѣздѣ такого-то числа зарѣзаль изъ ревности свою жену, мѣщанку Синегубъ. Какая смѣшная фамилія, скажетъ читатель, и никто не будетъ знать, что съ земли ушла красота, распространявшая радость...

Подъ этой мыслью студенту стало нечѣмъ дышать. Онъ понялъ, что въ комнатѣ душно. Весь день парило, и, несомнѣнно, ночью будетъ гроза. Онъ всталъ и распахнулъ окно, расхлябавшееся и ветхое, съ облѣзлой краской, безъ крючковъ и задвижекъ.

Садъ за окномъ стоялъ уже темный, ночной, но, вмѣсто свѣжести, на Бѣляева пахнуло душнымъ ароматнымъ тепломъ. Доцвѣтала сирень, жасмины осыпались и вянули. Онъ долго лежалъ на окнѣ съ головой, высунутой въ садъ, пока не стало больно рукѣ, попавшей на острый уголь, и потомъ долго лежалъ на постели съ открытыми въ тьму глазами. Онъ не могъ-бы сказать сколько,—полчаса, часъ, можетъ быть два.

Но и черезъ два часа сна не было ни въ одномъ глазѣ. И когда невдалекѣ отъ его оконъ онъ услышалъ тяжелые крадущіеся шаги, онъ воспринялъ этотъ звукъ, какъ чловѣкъ, совершенно далекій отъ дремы. Онъ зналъ, что это Гмыза, прежде чѣмъ снова, давъ ему пройти, тихо приблизился къ окну и сквозь тьму, къ которой уже привыкалъ глазъ, въ самомъ дѣлѣ распозналъ на удаляющемся чловѣкѣ широкую мятую художническую шляпу пѣвчаго.

Въ студентѣ не было ни малѣйшаго удивленія, когда онъ увидѣлъ то, что было потомъ. Можетъ быть, это колдовала ночь, и это было-бы странно и неправдоподобно днемъ. Была, наоборотъ, странная радость, совершенно чуждая зависти или эгоизма, какъ-бы даже довольство за исполненіе того, что—онъ зналъ—должно было тутъ быть. Онъ зналъ, что Калерія должна появиться, безшумная, смутная, тамъ далеко, за кустами и деревьями, сразу, и вполне примирился съ тѣмъ, что, очевидно, онъ не услышитъ ни одного ихъ слова. Даже свѣтлое платье Калеріи казалось только бѣлесымъ пятномъ. Но можно было угадать эти слова,—восторга передъ взаимной дерзостью, милой тревоги другъ за друга и, можетъ быть, ласкъ, въ молчаніи, когда не нужны слова, когда и зимой сердцу душно такъ, какъ душно въ эту наэлектризованную ночь...

И вдругъ студентъ замеръ,—сзади его послышался явный шепель чловѣческаго движенія. Онъ едва успѣлъ инстинктивно лечь на постель поверхъ одѣяла, когда дверь пріотворилась и, привыкшій къ потемкамъ, глазъ его различилъ на высотѣ чловѣческаго роста сѣдую опушку стариковскаго лица. Старикъ понюхалъ воздухъ, взглянулъ въ постель и осторожно потянулъ дверь на себя, очевидно, убѣдясь, что гость здѣсь и спитъ. «Старый шутъ ловить меня!»—какъ молніей пронизало мысль Бѣляева. И ему стало-бы смѣшно, если-бы не было жутко.

Значить, вѣрно то, о чемъ студентъ догадывался. Старикъ, ясно, спитъ одинъ. Сейчасъ такимъ же порядкомъ онъ пойдетъ туда, въ спальную жены, если только еще не былъ въ ней, и потомъ выйдетъ въ садъ, потому что больше идти некуда, и—найдетъ ее тамъ...

Бѣляевъ вскочилъ. Руки его дрожали. Надо дать сигналъ,—но какъ? На ночномъ столикѣ онъ нащупалъ спичечный коробокъ и бросился съ нимъ къ окну. Онъ схватилъ сразу нѣсколько спичекъ, не зналъ сколько, можетъ быть три, можетъ быть пять, и, промахиваясь по пустому воздуху, вычеркнулъ ихъ, и громко, испугавшись самъ своего голоса, выкрикнулъ:

— Василій Федотычъ! Это вы?

Свѣтъ выхватилъ подъ его носомъ изъ тьмы зеленые, точно жестяные, соскучившіеся по влагѣ листья. На минуту бѣлесое пятно тамъ, вдали, исчезло изъ его глазъ. Въ безвѣтреномъ воздухѣ спички догорѣли до половины, тронувъ тепломъ концы его пальцевъ, и снова стало темно. И когда до ушей студента донесся откуда-то слѣва тупой

звукъ, точно соскочившаго съ забора наземь живого тѣла, онъ вздохнулъ полной грудью.

Все еще дрожащими руками онъ снова вычеркнулъ спичку, промахиваясь, закурилъ папиросу и пыхнулъ дымомъ въ окно. Воздухъ былъ такъ плотенъ и тепелъ, что облачко округлилось и не поплыло, а такъ и стало неподвижно предъ его лицомъ.

V.

— Чего не спишь, чего кричишь, — людей положишь? Спать надо! Фельдшеръ стоялъ подъ самымъ окномъ Бѣляева, старый и трясуційся, въ одномъ бѣльѣ, и босой.

— Куришь ночью. Нѣшто можно? Сгоришь тутъ съ вами!..

— А развѣ можно спать въ такую ночь? — сказалъ студентъ, словно оправдываясь. — И чего-жъ вы сами не спите?..

— Я — старикъ! — огрызнулся Синегубъ. — Поживи съ мое, тогда сдѣлай милость, не спи. Я, судырь, въ твои годы спалъ, какъ сурокъ!

Онъ, конечно, разсмотрѣлъ Бѣляева. Въ одномъ бѣльѣ тотъ былъ слишкомъ мало похожъ на человѣка, ожидающаго ночной авантюры. Этого вора онъ могъ не опасаться. Самому фельдшеру доставало только колпака, чтобы быть героемъ оперетки. Однако, въ правой рукѣ его былъ какой-то жѣлѣзный предметъ въ родѣ шкворня.

— Душно! — сказалъ онъ и отеръ рукавомъ потъ со лба. — Не мудрено, что и не заснуть. Дай, думаю, пойду задвижки закрою (онъ сдѣлалъ пояснительное движеніе шкворнемъ). Гроза будетъ, — все распахнетъ.

Сердце еще билось у студента, какъ отъ кокаина, но уже хотѣлось улыбаться. Отелло въ одномъ бѣльѣ! Но тяжелый шкворень ударилъ-бы, можетъ быть, по задвижкѣ, можетъ быть, по черепу Гмызы.

— Федотычъ! Съ кѣмъ ты тамъ? — прозвенѣлъ издали, изъ флигеля голосъ Калеріи. — Чего, право, полуношникъ! Спать не даетъ!.. Чего еще случилось?

— Вотъ и ее разбудили, — сказалъ фельдшеръ, — однако, безъ неудовольствія. Онъ былъ радъ: Калерія была на своемъ мѣстѣ, голосъ казался соннымъ, — значить, все — ложная тревога. — Ничего, ничего, душенька, — прокричалъ онъ виновато. — Ну, курите, судырь, только осторожниѣ. Боюсь я этого...

— Памилуйте, — чай, я не пьяный...

Синегубъ заковылялъ мимо оконъ. Повидимому, онъ остался въ блаженномъ невѣдѣніи. Можетъ быть, такъ водятъ его за носъ давно, — и счетъ забыли!

Напряженная тишина сада вдругъ стала переливаться въ тревожный, настораживающій вниманіе гулъ. Верхушки деревьевъ вздрогнули, и вдругъ черезъ нѣсколько мгновеній зашипѣли накробой, словно кругомъ на сотнѣ печекъ начали печь блины. Вороны закаркали и завозились вверху въ тревогѣ, и, точно недоумѣвая и жалуясь, пискливо прочирикали мелкія пичужки. Что-то стукнуло вдали, какъ будто гдѣ-то сразмаха ударились о столбы широко распахнувшіяся гигантскія ворота. Тяжелая капля искоса упала на подоконникъ и расплюснулась широкой звѣздочкой.

Все волновалось до послѣдней травинки. Сорвавшіеся листья прошуршали и покатались по землѣ, понесли по воздуху. Мимо лица студента пролетѣлъ, шатаясь, какъ пьяный, бѣлый ночной мотылекъ. Огонь папиросы дерзко сорвало вѣтромъ, и искры косымъ

вѣромъ понесло въ траву. Точно надъ самой головой Бѣляева съ трескомъ и тонкимъ звономъ переломилась могучая стальная рельса. Ослѣпительно-бѣлая трещина прорвала занавѣсъ неба, и еще теплыя, но крупныя и съ каждой минутой холодѣющія брызги, упавшія на легкую ночную ткань, пріятно заходили тѣло студента...

VI.

...Всѣмъ долго спалось послѣ такой ночи, не спалось только старику, и онъ рано покинулъ постель, не выпавшійся и не въ духѣ. Нарочно стучалъ и нарочно надѣлъ сапоги, а не туфли. Сквозь сонъ студентъ слышалъ его возню и стукъ, просыпался и опять засыпалъ.

Поднялся и одѣлся онъ, — даже стыдно, — къ самому полдню. Калерія уже накрыла столъ для обѣда и возилась надъ чѣмъ-то въ кухнѣ съ румяными щеками, какъ у младенца, разгоряченнаго игрой. «Фу, чортъ, какая пышная!» чуть вслухъ не воскликнулъ Бѣляевъ на манеръ Тараса Бульбы, восхищеннаго спящимъ во ржи запорожцемъ. Отъ жаркой плиты, или отъ срѣтлой радости жизни и своей красоты и отъ счастья съ любимымъ человѣкомъ, доказательства котораго она имѣла сегодня ночью, — но глаза ея блестѣли веселѣе вчерашняго, и вся она была олимпійски спокойная, какъ спокойны боги въ небесахъ, невозмутимая, безъ малѣйшей растерянности послѣ ночного приключенія, можетъ быть, ничего не подозрѣвающая о вчерашней опасности. «Кабы она могла когда-нибудь узнать объ его услугѣ», — подумалъ студентъ. Если-бъ можно было остаться съ нею наединѣ, въ сумеркахъ, тогда можно было-бы посмѣяться надъ ея неосторожностью и намекнуть. Но старая крыса не оставляетъ ее ни съ кѣмъ наединѣ и днемъ, а черезъ какой-нибудь часъ онъ уѣдетъ, чтобы не увидѣть ее никогда. И она никогда не узнаетъ. Развѣ на томъ свѣтѣ, но нужны ли тамъ эти пустяки? А что, если она сама поняла?..

Въ самомъ дѣлѣ Калерія относилась къ нему положительно ласково, дружественнѣе вчерашняго. Разъ и два студентъ поймалъ на себѣ ея привѣтливый, словно-бы восхищенный взглядъ. Кому эта ласка? Ему, или она такъ на всѣхъ смотритъ, и именно про такихъ молвится пословица: взглянетъ — рублемъ подаритъ. Но вотъ она несетъ ему что-то завернутое въ бумагу.

— Это вамъ, панычъ, на дорогу. Поѣдете, проголодаетесь.

И она настояла, чтобы онъ взялъ пакетъ въ чемоданчикъ, хотя студентъ и доказывалъ, что ему теперь всего пути по желѣзной дорогѣ на четыре часа. «Нѣтъ, ужъ вы возьмите, а то я подумаю, что моей стряпней брезгаете. Сама я, панычъ, эти колбаски дѣлала. И свинья наша собственная...

Обѣдали въ двѣнадцать, и обѣдъ былъ простенькій и провинціальный. Ветчина пахла псомъ, котлеты были громоздкія, — невозможно было повѣрить, что ихъ дѣлала она! За обѣдомъ посмѣялись надъ студентомъ, который такъ и проспалъ городъ и не увидитъ его.

— Женитесь, жена не дастъ вамъ такъ долго спать! — смѣялась Калерія. — Небось, ужъ есть на примѣтѣ, — какъ, чай, не быть? Такой хорошенькій студентикъ.

Она такъ и сказала въ лицо и при мужѣ, и засмѣялась, когда увидѣла, какъ Бѣляевъ весь, съ ушами, вспыхнулъ пожаромъ.

— Вонъ вы сами еще какъ барышня, — даже скраснѣлись!..

Поѣздъ шелъ въ третьемъ часу, а вокзалъ былъ черезъ весь городъ. Фельдшеръ самъ заложилъ таратайку и ушелъ къ лошадямъ.

Ббляевъ уложилъ свой ручной чемоданъ, оглядблъ въ послбднй разъ стбны, знакомый за эту ночь садъ и поднялъ глаза на Калерю.

— Ну, спасибо, Калеря Ниловна!—началь онъ немножко пбвучимъ, расчувствованнымъ голосомъ,—спасибо и прощайте. Не забывайте совсбмъ, а васъ,—онъ съ трудомъ пересилилъ застбнчивость,—забыть невозможно.

— Пойдите-ка, я вамъ вынесу!—и она сбблала движене кб багажу.

— Что вы, что вы! Я самъ...

— Подите сюда,—я вамъ что-й-то скажу,—вдругъ прошептала она зазывающе и лукаво... И она пошла отъ него, увлекаая его, и оба очутились въ темныхъ сырыхъ сбнцахъ, подлб заложеной тяжелой щеколдой двери на улицу.

Ббляевъ ожидалъ чего угодно, но не того, что случилось въ слбдующую минуту. Онъ вдругъ почувствовалъ, какъ горячая оголенная рука крбпко обняла его за шею, коснувшись щеки, приблизила кб теплой упругой груди такъ сильно, что отъ неожиданности онъ даже качнулся, и его губъ коснулись губы, нбжные, наивныя, влажныя, какъ у ребенка. Еще никогда такъ не цбловала Ббляева ни одна женщина, и опьяненный, съ кровью, бросившейся въ голову и краской въ щеки, онъ не успблъ еще опомниться, какъ поцблуй повторился и надъ его ухомъ зашелестблъ ласковый, благодарный, таинственный женскй голосъ:

— Спасибочко, миль-дружокъ! Никогда тебб этого не забуду!..

— Калеря!—закричалъ съ противоположной стороны со двора Синегубъ.—Что-жъ ты, провалилась, что-ль?

Гибкая, быстрая женщина подхватила чемоданчикъ прежде, чбмъ Ббляевъ успблъ наклониться, и звонко-весело, нарочито дурашливо закричала:

— Во-отъ я!..

Весь этотъ день, сидя въ вагонб побзда и потомъ поздно бечеромъ въ другой семьб, у другихъ людей, студентъ не могъ уйти отъ этого, обжегшаго его, мига счастья. Молодыя губы сами слагались въ улыбку, хотблось оберечь ихъ отъ всякаго чуждаго прикосновеня, на нихъ былъ ея поцблуй. Ббляевъ даже поймалъ себя на томъ, что разъ и другой коснулся пальцемъ того мбста, какого коснулись ея губы. Пусть это только не болббе, какъ ласка благодарности,—не всели равно? Развб это не ея поцблуй? Молодая хмельная радость била въ голову, какъ вино. Онъ былъ счастливъ, какъ счастлива и она тамъ, хотя-бы съ другимъ.

Странно,—не было ни зависти, ни ревности кб Сашкб, хотблось-бы его видбть,—уже какой-то поэтическй свбтъ падалъ на него отъ нея. И не было тбни осужденя ему. Ахъ, что бы ни говорили люди, что бы ни пбла и чбмъ бы ни грозила жуткая пбсня, которую, можетъ быть, и сейчасъ старый филинь играетъ тамъ, ей въ острастку, конечно, и онъ точно такъ же, какъ тотъ, сильный и дерзкй, вороваль-бы у судьбы мгновения и цбнилъ жизнь въ копейку, и лгаль, и дбляволил на глазахъ жалкаго старика, если нельзя иначе...

И какая-то новая правда вступала въ него, и новый мбръ открывался предъ нимъ, грбшный и искуcительный, но неотразимый, предъ которымъ,—онъ чувствовалъ,—можетъ нбкогда зашататься и полетбть въ бездну и мораль умныхъ книгъ, и священные завбты отцовъ...

А. Пзмайловъ.

Въ пути.

Ночь... Зима... И въ полѣ вьюга,
Страшный холодъ, и метель,
Какъ досужая подруга,
Стелеть снѣжную постель.

Конь ступаетъ осторожно
Въ только выпавшемъ снѣгу,
И понуро и тревожно
Будто дремлетъ на бѣгу.

Жутко въ полѣ, жутко въ щастѣ
И вдали сильнѣй бурань.
Думы грустны, ледянящи,
И ямщикъ уснувшій пьянь...

Въ заколдованномъ обманѣ,
Такъ заманчивъ-недалекъ,
Вотъ блеснулъ въ ночномъ туманѣ
Путеводный огонекъ.

И пріютъ родной свѣтелки
Вижу въ этомъ огонькѣ...
Чу!.. да это, видно, волки
Жадно рыщутъ вдалекѣ.

Ив. Брянскій.

Сердце.

Разсказъ Н. и О. Ковальскихъ.

I.

Валентина Михайловна проснулась первая и потянулась за чашками:

— Неужели половина одиннадцатаго?!

Въ комнату, сквозь тонкія, бѣлыя шторы пробивался тусклый, чуть брезжущій свѣтъ... Вотъ что значить Петроградъ... Объ этихъ слюдяныхъ сумеркахъ тамъ, въ Италіи, они совсѣмъ позабыли: будетъ трудно привыкнуть, зато сколько здѣсь другихъ незамѣнимыхъ удобствъ!

Потягиваясь, прижимаясь щекой къ прохладной полотняной наволочкѣ, Валентина Михайловна опять полузакрываетъ глаза. Еще чувствовалась во всемъ тѣлѣ разбитость: ныли мускулы, болѣла, точно обожженная, кожа, а въ головѣ все еще деревянно стучалъ бѣгъ колесъ...

Двадцать дней въ дорогѣ! Двадцать дней трепки изъ вагона въ вагонъ, изъ отеля въ отель, три дня бѣшеной качки на пароходѣ, грязныя пристани, гудящія отъ народа станціи, Салоники, Рушукъ, Бухарестъ, беспорядочный сонъ, отвратительная пища,—все это сказывалось теперь какой-то невѣроятной усталостью.

Прошло уже три дня, какъ Войнарскіе пріѣхали въ Петроградъ, а Леонидъ Петровичъ все еще не могъ придти въ себя, жаловался на головную боль, на общее недомоганіе. Онъ такъ боялся этой дороги, такъ—до послѣдней минуты—оттягивалъ путешествіе, что они чуть было не застряли въ Римѣ, но Валентина Михайловна настояла.

Приподнявшись на локтѣ, чувствуя неловкость и боль въ шеѣ, молодая женщина взглянула на мужа. Онъ лежалъ, слегка свѣсивъ къ плечу голову, положивъ руку на грудь. Изъ разстегнутаго ворота рубашки выступала его шея, нѣжная, какъ у дѣвушки, губы подъ темной полоской усовъ полуоткрылись, и было въ нихъ беспомощно-просящее выраженіе.

«Прелестный, мой милый...—думала Валентина Михайловна, прищуривая глаза и то отдаляя, то приближая сквозь бахрому рѣсницъ знакомыя черты.—Можетъ быть, правда, ты очень усталъ, но лучше, что мы пріѣхали, повѣрь...»

Ей хотѣлось встать, прильнуть къ полуоткрытымъ, она знала, такимъ теплымъ, душистымъ губамъ мужа, но было жаль будить, и потому, повернувшись на спину, она стала думать.

... Да, да, хотѣлось еще разъ, теперь, въ полномъ спокойствіи, во всѣхъ мелочахъ провѣрить себя, подтвердить себѣ, что она была права, безусловно права, настаивая на возвращеніи въ Россію. Какъ всегда, все обдумавъ до мелочей, она рѣшила за нихъ обоихъ и рѣшила, конечно, правильно...

Въ эту минуту лицо Валентины Михайловны приняло особенное выраженіе, рѣзко и сразу измѣнившее черты, придавшее имъ какую-то почти мужскую складку.

Сухо, дѣловито сжались губы, брови слились въ одну черту, въ такія минуты Валентина Михайловна напоминала акробата, идущаго по тонкому канату. Въ такія минуты—пышные волосы, и нѣжное, гибкое тѣло, и весь ея, подчеркнута-женскій, обликъ съ этой покатою грудью, правильнымъ оваломъ щекъ и тонкой подвижностью ноздрей—стирался, уходилъ, оставалась одна рѣзкая властность, то «хочу» или «не хочу», по которымъ, какъ изъ кубиковъ, складывалась вся жизнь Войнарскихъ. Это «хочу» и было сказано тамъ, въ Италіи, мѣсяць тому назадъ, когда робко, въ послѣдній разъ Леонидъ Петровичъ доказывалъ женѣ, что его возвращеніе въ Россію сейчасъ никому не нужно, что ему такъ хорошо здѣсь, подъ кипарисами въ Фіезолѣ, около милой Флоренціи.

Сейчасъ Валентина Михайловна вспоминала именно этотъ, все рѣшившій, вечеръ... Заходило солнце, и въ старомъ францисканскомъ монастырѣ звонили къ вечернѣ. Изъ окна въ аметистовой глубинѣ виднѣлась вся долина Арно, затопленная золотой пылью: огненной пылающей колесницей катилось солнце по краямъ дымчато-синихъ холмовъ, и тамъ, во Флоренціи каждый домъ, каждый куполь сіяли, какъ тысячи золотыхъ паникадилъ... А воды Арно были мѣдно-красныя и точно плыль въ нихъ къ какимъ-то вѣчнымъ далямъ малиново-бѣлый корабль собора.

Прислонясь къ окну своимъ любимымъ движеніемъ, прижавъ щеку къ ладони, Леонидъ говорилъ, какъ мучительно-страстно онъ любить этотъ городъ, какъ безконечно далеко онъ сейчасъ отъ войны, отъ крови, отъ всего, чѣмъ волнуется, горитъ міръ... Его душу ужасаетъ матеріализмъ войны, это обнаженное торжество смерти, эта конечная, такая жестокая правда. Что-же дѣлать, онъ любитъ жизнь, красоту, творчество, ибо въ нихъ смыслъ всего существующаго. И онъ знаетъ, что, если ему придется пойти, онъ будетъ убить сейчасъ же, немедленно, ему говорить это его кровь, его инстинктъ...

Валентина Михайловна снисходительно улыбнулась и опять взглянула на мужа. Онъ лежалъ теперь на спинѣ. Просящее выраженіе смѣнилось другимъ: онъ какъ-бы что-то видѣлъ сквозь закрытыя вѣки, къ чему-то напряженно-мучительно прислушивался...

«Пустяки, мой золотой, никто тебя никуда не пошлетъ, окончится война, уѣдемъ опять въ Италію...»—думала Валентина Михайловна.

Вѣдь, передъ тѣмъ, какъ ѣхать, она все разузнала до мельчайшихъ подробностей: мужу не грозитъ никакая опасность, онъ ратникъ второго ополченія, единственный у матери сынъ, ему 32 года, и очередь до него не дойдетъ. Сидѣть же дальше въ Италіи ей казалось рискованнымъ: во-первыхъ, трудно доходили деньги и письма, во-вторыхъ, Леонидъ долженъ непременно участвовать на очередной выставкѣ: это необходимо для его карьеры. Теперь мало-мальски уйди отъ шумихи—сейчасъ забудутъ. А въ Петроградѣ у нихъ хорошія связи; на-дняхъ она устроитъ свой обычный четвергъ, и опять будутъ нужные люди, опять о Леонидѣ заговорятъ и въ прессѣ, и въ кружкахъ. Довольно прожили за границей: цѣлыхъ два года, пора и честь знать! А то, что мужъ не хотѣлъ ѣхать, то, вѣдь, онъ—ребенокъ: сознательно-логически разобраться не можетъ и страдаетъ. Потомъ такъ-же быстро успокоится.

Въ эту минуту Леонидъ Петровичъ застоналъ и, сейчасъ же про-
снувшись, съ тоской, но не шевелясь, два раза тихо сказалъ:

— Боже мой, Боже мой...

Онъ смотрѣлъ передъ собой, и глаза его были огромные, темные,
чужіе.

— Что съ тобой, Леня?

Валентина Михайловна быстро встала босыми ногами на ков-
рикъ и положила руку на грудь мужа. Она чувствовала, какъ частыми,
нервными толчками бьется сердце.

— Боже мой!—повторилъ уже громче Леонидъ Петровичъ и
опять закрылъ глаза, какъ будто не видя жены. Губы его сразу пере-
сохли, вѣки вздрагивали.

Валентина Михайловна присѣла на край постели и обняла мужа
за плечи.

— Леня, милый, да что съ тобой?!

Онъ долго не отвѣчалъ, потомъ, видимо, пришелъ въ себя, от-
странился, вздохнулъ очень глубоко и легъ выше. Держа воротъ ру-
башки и, словно, этимъ усилиемъ что-то сдерживая въ себѣ, сказалъ:

— Я видѣлъ мать.

— А... А...

Валентина Михайловна встала, потянулась и умышленно лѣни-
вымъ движеніемъ взяла перекинутый черезъ постель капоть. Отвер-
нувшись, улыбнулась однѣми губами насмѣшливо. Но, не видя этой
улыбки и какъ будто подтверждая нѣчто самому себѣ, Леонидъ Петро-
вичъ медленно произнесъ:

— Она была вся въ черномъ, какъ всегда. Она подошла, по-
цѣловала меня и заплакала. Ея теплыя слезы упали мнѣ на грудь.

— Оставь! Оставь!..—вдругъ рѣзко и быстро заговорила Ва-
лентина Михайловна и отшвырнула капоть... Ея ноздри расширились,
подбородокъ дрожалъ.

— Если мы пріѣхали для того, чтобы начинать старую канитель,
то я не согласна... Ты, очевидно, будешь настаивать, чтобы Глафира
Павловна жила съ нами, но я разъ на всегда рѣшила, что эта комедія
не повторится. Я тебя предупреждаю.

Она накинула капоть и вышла, высоко поднявъ голову, сжавъ
губы.

— Ванна готова, Маша?

— Пожалуйте, барыня.

Въ ванной, гдѣ такъ аккуратно и чисто висѣли полотенца, про-
стыни, губки, щетки и щеточки, гдѣ пахло лавандой и туалетнымъ
уксусомъ, Валентина Михайловна долго не могла успокоиться, даже
руки слегка дрожали, завязывая чепчикъ. Уже сидя въ водѣ и вытя-
гивая свое холеное, розовое тѣло, негодуяще поводила плечами и
сжимала брови.

Слова мужа, а, главное, тоска, съ которой они были сказаны,
вызвали въ ея душѣ бурю негодованія.

— Какъ могъ онъ съ любовью вспоминать о женщинѣ, которая
доставила ей такъ много горькихъ минутъ, закрыла для нея навсегда
свою душу... Развѣ она, Валентина Михайловна, не пошла ей на-
встрѣчу, не старалась доставить ей уютъ, удобства, поскольку по-
зволяли имъ ихъ небольшія средства?! Не держала себя вполнѣ кор-
ректно? А если не проявляла особенной нѣжности, то потому, что это,
вообще, не въ ея характерѣ. Старуха могла жить у нихъ до самой

смерти, но предпочла разыграть оскорбленную и возвратилась къ себѣ, въ дыру, гдѣ съ тѣхъ поръ ее, конечно, никто не трогалъ.

Послѣ всей этой нелѣпой исторіи, а, въ особенности, за границей Леонидъ не вспоминалъ о матери: казалось, самъ молчаливо призналъ, что въ ихъ такую разумную, такъ тѣсно спаянную жизнь не можетъ и не долженъ входить третій. Мать и сынъ больше не переписывались, и никогда даже въ разговорѣ мужъ не говорилъ, что онъ тоскуетъ, что ему хочется видѣть мать. И то, что разрывъ совершился такъ незамѣтно, безболѣзненно, что ушла изъ души Леонида бывшая когда-то безумной привязанность, что, какъ ребенокъ, онъ все больше отдавался ей, Валентинѣ Михайловнѣ,—наполняла молодую женщину торжествомъ: вѣдь, только ея присутствіе, ея вліяніе, ея любовь были нужны Леониду и его творчеству, только она могла сдѣлать изъ него большого художника, создать нужныя ему условія, обстановку, приучить его къ планомѣрной, усидчивой работѣ. Вѣдь, благоговѣніе Глафиры Павловны передъ сыномъ прямо-таки развращало его, а эти ея лампадки, Христы и иконы вносили въ его творчество совсѣмъ нежелательный, мистическій элементъ... Впрочемъ, только разъ, передъ «Благовѣщенемъ» Фра-Анжелико въ кельѣ монастыря Санъ-Марко, Леонидъ задумался и сказалъ:—«мнѣ-бы хотѣлось сдѣлать маленькую копию и послать матери...». Больше ничего...

Но сегодня,—Валентина Михайловна очень хорошо знала глаза мужа,—онъ весь былъ гдѣ-то очень далеко, такъ, точно она, рядомъ сидѣвшая, совсѣмъ для него не существовала. Это ее поразило.

Выходя изъ ванны, Валентина Михайловна уже обсудила планъ дѣйствій, какъ всегда, до мельчайшихъ подробностей. Если Леонидъ еще разъ заговоритъ о матери, она не станетъ ни возмущаться, ни протестовать: хуже будетъ, если мужъ замкнется и уйдетъ въ себя. Напротивъ, она скажетъ, что на Рождество или на Пасху можно будетъ съѣздить къ старухѣ, что это даже слѣдуетъ сдѣлать! А тамъ, конечно, настроеніе пройдетъ, и онъ самъ все забудетъ.

Успокоенная, веселая, Войнарская прошла въ столовую.

У окна стоялъ мужъ, какъ тогда, въ памятный вечеръ въ Филадельфию, прижавшись щекой къ стеклу. Въ опущенной рукѣ онъ держалъ газету. Сказалъ, не оборачиваясь:

— Какъ скучно безъ солнца...

Потомъ отошелъ къ столу и, весь темный, потому что повернулся спиной къ свѣту, продолжалъ, отвѣчая на свою мысль:

— Ты знаешь, кто значитъ въ спискѣ убитыхъ? Костя Миновичъ. Ты его помнишь, онъ читалъ у насъ стихи... У него волосы вились, какъ гиацинтъ, а теперь Кости нѣтъ... Можетъ быть, онъ лежитъ въ грязной ямѣ, и его кровь уже не родитъ ритма...

Леонидъ Петровичъ постоялъ, опустивъ голову, потомъ такъ же тихо прошелъ въ переднюю.

— Ты куда, Леня?

— Пройдусь. Болитъ голова.

II.

Въ квартирѣ Войнарскихъ гудѣли голоса, звенѣла посуда, синѣлъ папирозный дымокъ. Въ столовой, за длиннымъ столомъ около никелеваго самовара собралась своя, милая, задушевная компанія: профессоръ Мятлицкій, красивый старикъ съ головой Микель-Анджеловской лѣпки, знатокъ античнаго искусства: сестры Рубановичъ,

извѣстных скрипачки, подруги Валентины Михайловны по консерваторіи, художникъ Валтугинъ—восходящая звѣзда графическаго искусства, спортсменъ и атлетъ; Лурье—критикъ одной крупной газеты, весь сдѣланный подъ англичанина съ коротко подстриженными усами и круглой, упрямой головой.

Всѣ радовались возвращенію Войнарскихъ и слушали теперь Леонида Петровича, который вышелъ изъ своей обычной замкнутости и, горя волненіемъ, говорилъ о Флоренціи, объ этомъ городѣ безсмертной красоты, передъ лицомъ котораго вѣчность—только мигъ. Онъ говорилъ о томъ, какими новыми красками обогатила его душу Италія, какое откровеніе онъ нашель въ старыхъ монастыряхъ, гдѣ мозаика Треченто сіяетъ, какъ звѣздное небо, и неувядаемыя розы цвѣтутъ на ланитахъ Мадоннъ.

Но когда онъ кончилъ, слегка задохнувшись, и обвелъ всѣхъ посвѣтлѣвшими глазами, то не увидаль на лицахъ отсвѣта радости, которую старался передать въ своихъ словахъ, простыхъ и яркихъ.

Молчали сестры, одинаково опустивъ кудрявыя головы, молчалъ Валтугинъ, разсматривая на мощной ладони своей какія-то неуловимыя линіи; молчалъ Мятлицкій, помѣшивая ложечкой чай.

И, какъ-бы собирая это молчаніе въ одно, Лурье медленно откусилъ кончикъ сигары и, вытянувшись на стулѣ, произнесъ съ удивленіемъ:

— Это все чудесно, Леонидъ, но можешь себѣ представить, что ко всему этому мы теперь глухи... Да, абсолютно глухи... Ты приѣхаль, не знаешь, что сейчасъ, здѣсь, мы живемъ совсѣмъ другимъ. Да! Мы полны только войной. Мы видимъ, слышимъ, чувствуемъ только ее. Къ остальному мы равнодушны: искусство, литература, наука—все отошло на задній планъ, потеряло смыслъ, стало неважнымъ и ненужнымъ. Это тебѣ всѣ скажутъ.

— Мы ходимъ на курсы, въ больницу и скоро уѣдемъ...—сказали сестры, и одинаково вспыхнули ихъ некрасивыя лица.

— Я тоже уѣзжаю черезъ двѣ недѣли въ городскомъ отрядѣ вмѣстѣ со своей машиной,—сказаль Валтугинъ, и калмыцкія скулы его напряженно сжались.

— Профессоръ читаетъ теперь только о войнѣ и о ея культурномъ значеніи,—добавилъ Лурье.—А я... я ѣду корреспондентомъ на Кавказъ, прямо къ туркамъ... Такъ что, видишь, мы всѣ, однимъ словомъ, по уши сидимъ въ другихъ интересахъ. Поживешь ты недѣлку, другую, и поддашься этому настроенію... иначе невозможно.

Леонидъ Петровичъ сжался, его щеки сразу обрѣзались, черты точно еще больше утончились. Онъ, видимо, страдалъ и когда заговорилъ—голосъ его былъ глухой, упавшій, не тотъ, который, за минуту передъ тѣмъ, такъ молодо-звонко наполняль столовую.

— Поддамся этому настроенію?! Я-бы хотѣлъ, но война наполняетъ меня темнымъ ужасомъ... Мнѣ кажется, когда-нибудь челоѣчество пойметъ всю ея ненужность.

— Никогда не пойметъ!—сказаль Валтугинъ, вскидывая пенснѣ.—Это все равно, что сказать: зачѣмъ на дворѣ зима. А она все-таки есть и будетъ. Война—явленіе біологическое, слѣдовательно—стихійное.

— Я не знаю,—продолжалъ Леонидъ Петровичъ, опуская вѣки и медленно покачиваясь на стулѣ,—но во мнѣ ея ужасъ не вмѣщается... Мнѣ кажется, если-бы я увидѣлъ поле съ примерзшими въ лужахъ трупами—я-бы просто лишился разсудка, только.

О. Геннеръ.

НАПРАСНЫЙ ЗОВЪ

— Ну, да... Есть такія организаціи,—послѣ минутнаго молчанія вздохнулъ профессоръ.—Ничего не подѣлаешь! Вспомните Гаршина... Онъ не вынесъ...

— Но зачѣмъ же вы тогда пріѣхали, Леонидъ,—спросилъ Лурье, искоса поглядывая на художника.—Ты—большой талантъ, и будетъ искренно жаль, если тебѣ все же придется идти.

— Леонидъ Петровичъ не пойдетъ. Иначе, неужели-бы я его привезла?—сказала Валентина Михайловна съ легкой улыбкой розовыхъ губъ.—Я все узнала до мельчайшихъ подробностей: мы можемъ быть совершенно спокойны.

Увѣреннымъ движеніемъ она положила свои полуоткрытыя, точеныя руки на скатерть и сейчасъ же перевела разговоръ на нужную ей тему: состоится-ли въ этомъ году обычная выставка «Вѣнка», и гдѣ ее думаютъ устроить. Она будетъ настаивать, чтобы Леониду Петровичу была отведена отдѣльная комната, онъ привезъ такую массу цѣнныхъ этюдовъ.

Послѣ чая всѣ перешли въ гостиную. Валентина Михайловна сѣла къ роялю, сестры вынули свои скрипки, и было похоже, что ничего не случилось, нѣтъ ни траншей, ни окоповъ, ни мерзлой земли, гдѣ люди сами себѣ роютъ могилу и умираютъ безропотно и тихо подъ далекими морозными звѣздами. На роялѣ такъ мягко горѣли свѣчи, такъ спокойно красивъ былъ профиль Валентины Михайловны, склонившейся надъ клавишами, такъ стройно и нѣжно переплетались голоса скрипокъ...

— Вотъ, видите, господа,—сказала Валентина Михайловна, когда стали всѣ прощаться,—можно и сейчасъ отгородить свою душу отъ ужаса. Стоитъ только захотѣть...

Красивымъ движеніемъ она обняла шею мужа, положила ему на плечо свою пышную, бѣлокурую голову и нельзя было не подумать, что Леонидъ Петровичъ всѣмъ обязанъ своей женѣ: она сумѣетъ убедить, оградить его отъ опасностей, съ ней онъ достигнетъ многого...

Послѣднимъ ушелъ Лурье. Онъ долго, методично надѣвалъ кашнэ, галоши. И уже въ дверяхъ, когда Валентина Михайловна не сдержала сладкаго зѣвка, вдругъ спросилъ:

— А скажи, Леонидъ, твоя матушка жива?

Было нѣчто въ его голосѣ, что прервало второй сладкій зѣвокъ Валентины Михайловны. Она выпрямилась.

— А почему вы спрашиваете, Илья Ильичъ? Вы же знаете наши печальныя отношенія съ Глафирой Павловной. Мы давно не переписываемся.

— Ну, да!—Лурье старательно потеръ переносицу.—Я недавно и совершенно случайно отъ своихъ псковскихъ знакомыхъ слышалъ, что Глафира Павловна очень больна. Ну, а вы навѣрное знаете, Валентина Михайловна, что, если мать Леонида умретъ, его сейчасъ же переведутъ изъ второго разряда въ первый, и онъ будетъ немедленно призванъ.

Все: и бритое лицо Лурье, и зеркало въ ясеневой рамѣ, и молочные шары электрическихъ лампочекъ вдругъ куда-то и медленно поплыли. Все сдѣлалось шаткимъ, зыбкимъ, такъ что невольно Валентина Михайловна схватилась за косякъ двери.

— Какъ?! Что вы говорите?

Вдоль ея щекъ легли мѣловые полосы, глаза застыли, не моргая.

Ей хотѣлось крикнуть очень громко и захохотать, чтобы прогнать нелѣпый, внезапный страхъ, который вдругъ перехватилъ дыханіе.

— Пустяки... Глупости... Кто сказалъ? Какіе пустяки!.. Ха, ха, ха...

Но голось Лурье точно вталкивалъ ужась неяснаго пониманія все глубже и глубже.

— Господи! Да какъ же вы не знаете, Валентина Михайловна? Это же проще рѣпы. Разъ умираетъ мать, мѣняется семейное положеніе. Это же стоитъ на билетѣ!

Валентина Михайловна сѣла, потому что все тѣло ея, даже ладони покрылись холоднымъ потомъ, колѣни дрожали.

— Я не знала... Не предвидѣла... Почему мнѣ не сказали?.. Боже мой!

Ей хотѣлось остановить, привести въ порядокъ свои, всегда такія увѣренныя мысли, но вдругъ онѣ стали бѣшенныя, беспорядочныя: ихъ подхватила и унесла какая-то безобразная толчея.

...Уѣхать! Вернуться въ Италію. Просить! Что она сдѣлала, Боже мой, что сдѣлала?

— Совѣтую, напишите сейчасъ же, узнайте. Можетъ, ничего опаснаго...—гдѣ-то далеко гудѣлъ голось Лурье. Но Валентина Михайловна уже не слушала: она бѣжала къ столу, звала растерянно, жалобно, громко:

— Маша, телеграмму... несите телеграмму. Оплаченный отвѣтъ... Что-то скребла на бумагѣ перомъ, хваталась за виски.

Къ ней наклонилось озабоченное лицо Лурье.

— Давайте, я снесу. Не волнуйтесь вы такъ. Можетъ быть, ничего серьезнаго. Охъ, ужъ эти мнѣ женщины...

Когда онъ ушелъ, Валентина Михайловна опустила въ изнеможеніи на диванъ.

— Леонидъ!—позвала она.

Подошелъ, тоже сѣлъ рядомъ.

Она схватила его за руку.

— Ты это зналъ, Леонидъ?

— Что?

— Если Глафира Павловна, если твоя мать умерла... умереть... ты долженъ идти?

Войнарскій покачалъ головой. Въ полутьмѣ кабинета его лицо казалось сѣрымъ, безжизненнымъ.

— Нѣтъ, не зналъ... Если зналъ, то забылъ. Но развѣ можно объ этомъ т а к ъ думать?

— Да, но какъ же... какъ же мнѣ не сказали, не предупредили?..

—Валентина Михайловна задыхалась, рванула кружевной воротникъ, подняла пальцами волосы, судорожно сжала пряди.—Неужели, если-бы я знала... я-бы настаивала? Я же была такъ увѣрена... Но, можетъ быть, мы понапрасну волнуемся! Графира Павловна жива, здорова... еще, дастъ Богъ, долго прожить.

Она чувствовала всю пошлость, всю трусливую ложь этихъ словъ. Да, конечно, теперь ей была нужна жизнь этой старухи, о которой еще сегодня она думала съ такой холодной ненавистью. Отъ ея, никому не нужной, жизни зависѣла теперь жизнь человѣка, котораго Валентина Михайловна такъ безумно любила, которому хотѣла только добра, только счастья.

Если-бы Леонидъ неистовствовалъ, бѣгалъ, кричалъ, если-бы

осыпалъ ее упреками, было-бы легче, но онъ, какъ ообычно, сидѣлъ такой тихій, прислонившись щекой къ ладони, и молчалъ.

И вдругъ, въ первый разъ за всѣ четыре года Валентина Михайловна поняла, что жизнь этого человѣка всецѣло была въ ея рукахъ: любя, она распоряжалась ею безраздѣльно, и власть ея надъ мужемъ была неограниченна. Она приказывала, распоряжалась, устраивала, а онъ, погруженный въ свою работу, въ свою мечту, не имѣлъ своей воли, и когда дѣлалъ слабыя попытки, чтобы освободиться хоть на минуту,—она накладывала на него руку, какъ на бьющуюся птицу, и—онъ затихалъ.

Вѣдь, онъ не хотѣлъ ѣхать, несмѣло, робко говорилъ ей: «лучше остаться!», но она не сумѣла разслышать всей муки этихъ слабыхъ словъ, не сумѣла понять, что въ тоскѣ онъ умоляетъ ее оставить его жизни. Она настояла на своемъ, и вотъ случилось самое ужасное: сама привезла его на... на ужасъ...

Такъ сидѣла Валентина Михайловна, сжавъ голову руками, раскачиваясь со стороны въ сторону, чтобы какъ-нибудь заглушить ѣдкую боль, которая жгла грудь точно царапающіе когти. Иногда сжимала вѣки, и тогда всплывало лицо Глафиры Павловны, точно та стояла рядомъ и ждала чего-то. Валентина Михайловна видѣла эту старческую желтую, какъ воскъ, кожу, скорбныя, ввалившіяся губы и глаза, такъ похожіе на Леонида, еще прекрасные, но тусклые, какъ мертвая слюда.

Теперь Войнарская знала то, въ чемъ до сихъ поръ не хотѣла признаться. Теперь, когда малодушный, животный, но такой жгучій страхъ за любимаго человѣка обнажилъ ея душу—она не могла не осыпать себя самыми жестокими упреками. Лгала до сихъ поръ, когда убѣждала и себя, и Леонида въ томъ, что Глафира Павловна оспаривала у нея какія-то права, вламывалась въ ихъ жизнь, отравляла ея существованіе. Вѣдь, Валентина Михайловна сама первая возненавидѣла эту женщину, которую когда-то слишкомъ любилъ Леонидъ, она создала тѣ маленькія, мелкія, незамѣтныя для посторонняго глаза пытки, которыя заставили старуху такъ молча и горько уйти отъ сына. Развѣ не преслѣдовала Валентина Михайловна свекровь повседневными уколами, не старалась нанести ту боль, отъ которой человѣкъ способенъ все оставить, бѣжать, куда глаза глядятъ? Все осмѣивалось тонко, корректно, зло: каждую минуту старуха чувствовала, что ей не мѣсто въ изящной квартирѣ, гдѣ ея образа, лампадки, войлочныя туфли, черная бумазая и старомодная косынка—жалки, убоги, нелѣпы. И она, воспитавшая сына на тощій заработокъ швейной машины, давшая ему возможность кончить Академію, переживавшая съ нимъ его молодыя мечты и надежды, не смѣла войти въ его студию, не смѣла оставаться въ гостиной, когда приходили чужіе, потому что глаза невѣстки оглядывали ее съ нескрываемымъ холоднымъ презрѣніемъ:

— Вы-бы шли въ свою комнату, мамаша.

...Валентина Михайловна сплела пальцы такъ, что они хрустнули. Тяжелый горячій стыдъ медленно всплывалъ на ея лицо краской.

И первый разъ, не учитывая послѣдствій своихъ словъ, не думая у мѣста или не у мѣста они, она сказала, какъ на исповѣди:

— Мы очень виноваты передъ твоей матерью, Леонидъ. Но, можетъ быть, еще не поздно.

Утромъ Войнарскіе получили телеграмму, что Глафира Павловна очень плоха, и въ тотъ же день выѣхали въ Псковъ.

III.

Глафира Павловна знала давно, что заболѣеть.

Съ тѣхъ поръ, какъ пошли осенніе дожди, и упали, свернувшись, послѣдніе листья, ей все труднѣе стало перемотаться, вставать, уходить на работу въ знакомые дома и тамъ высиживать за машиной весь долгій, тяжелый день. Ея глаза слезились и плохо видѣли строчку, рука, державшая полотно, дрожала, и отеки ноги съ трудомъ ворожали колесо. Несмотря на то, что замѣчаній ей не дѣлали, она сама знала: работа идетъ копотно, тяжело, приходится часто распарывать, передѣлывать, и если ей не отказываютъ, то только изъ жалости. По вечерамъ трудно было возвращаться вдоль темныхъ улицъ: скользили по заиндевѣлымъ горбатымъ тротуарамъ старыя ноги, вѣтеръ на перекресткахъ поддувалъ подъ капоръ и толкалъ въ спину. Но не ходить на работу и сидѣть дома было еще невыносимѣе. За послѣднее время Глафиру Павловну какъ-то особенно тянуло на людей; въ тѣхъ домахъ, куда она ходила, ее считали своей, и тамъ, хоть съ краешка, но она прилѣплялась къ жизни, гдѣ было весело, людно, возилась дѣтвора, шумѣла молодежь, и ее называли бабушкой; дома же, въ тѣхъ двухъ комнатахъ, которыя она вотъ уже двадцать лѣтъ занимала у дьячка въ церковномъ дворѣ, ее давило одиночество, и не радовали больше ни герань, ни котята, ни лампадки передъ кіотомъ. На эти комнатки съ ихъ низкими потолками и пузатой мебелью она успѣвала наглядѣться за всю долгую безсонную ночь, пока переворачивалась съ боку на бокъ, ища успокоенія своему старому разбитому тѣлу. Не шель сонъ, но шли мысли такія печальныя, давнишнія, что оставать съ ними было совсѣмъ невыносимо. И, пересиливая все возрастающую слабость, Глафира Павловна спѣшила уйти изъ дому, отъ самой себя.

Но случилось то, что должно было случиться: разъ вечеромъ, когда свѣжій снѣгъ прикрылъ ровной запорошью льдистые тротуары, Глафира Павловна оступилась, упала и встать уже не могла. Ее довели до дому, и дьячиха сбѣгала за докторомъ. Ничего, повидимому, опаснаго не случилось, но на слѣдующій день старушка не поднялась: у нея вдругъ ушли всѣ силы, какъ будто кто-то большими ножницами перерѣзалъ нитку и сказалъ: «довольно».

И по тому, какъ все болѣе чужимъ и легкимъ становилось тѣло, Глафира Павловна поняла, что скоро умретъ.

Въ неизбежности этого сознанія было какое-то огромное облегченіе.

Точно, наконецъ, стало возможнымъ въ послѣдній разъ обдумать и вспомнить самое главное и нужное.

Съ тѣхъ поръ, какъ молча и горько старушка ушла изъ дому сына, она о сынѣ не думала, оставила его тамъ, позади, здороваго, счастливаго, влюбленнаго и—больше не оглядывалась. Приѣхавъ домой, затушила всѣ портреты крепомъ, спрятала въ сундучекъ всѣ карточки, запечатала въ одинъ пакетъ всѣ наброски, стерла изъ своей жизни все то, что могло напоминать ей Леонида. Похоронила нерушимо, какъ хоронятъ дорогихъ мертвецовъ, и стала жить дальше такъ, точно никогда не носила подъ сердцемъ ребенка, не кормила его своей грудью, не отдавала ему своихъ лучшихъ силъ.

Не вспоминала, не плакала и никого не обвиняла. Знала—она стала больше не нужна, какъ не нужно молодому стволу истлѣвшее дупло. Жила, двигалась, работала и ждала терпѣливо дня, когда Нѣкто ей скажетъ: «довольно».

Этотъ день насталь, и она могла, наконецъ, лежать и думать о сынѣ.

Она знала, что онъ далеко, тамъ, въ солнечной странѣ, куда такъ рвался всю жизнь, знала, что тѣлесно больше никогда его не увидить, и о смерти ея онъ узнаетъ тогда, когда на могилѣ уже поднимется зеленая трава.

Онъ былъ теперь для нея только воспоминаніемъ, отъ котораго ни ждать, ни требовать она ничего не хотѣла.

Такъ весной распахивала она окно на солнце въ садъ, такъ открыла душу и впустила въ нее всѣ прошлые дни, и каждый изъ нихъ былъ, какъ драгоценный камень. И вся любовь, которую она отдала своему ребенку, въ которой, какъ покорныя травы, сгорѣли ея лучшіе годы, еще разъ расцвѣла въ ея душѣ молодой, свѣтлой радостью...

Сквозь оцѣпенѣніе она слышала топотъ дѣтскихъ ногъ по мягкимъ половикамъ, и захлебывающійся смѣшокъ, и возню съ котятками у теплой лежанки... Казалось, стоитъ чуть пріоткрыть вѣки, и она увидить край голубой рубашки, черные завитки надъ бѣлизной тонкой шейки, почувствуетъ на ладони пухлыя, теплыя губы.

Но вѣки не поднимались, и сонъ на-яву ткалъ свои таинственные узоры... А вечеромъ, когда въ комнатѣ смутно бѣлѣли только квадраты оконъ, сынъ подходилъ къ краю постели такимъ, какимъ въ особенности она любила его: въ измазанной красками синей блузѣ, съ поблѣднѣвшими отъ работы щеками. Онъ подходилъ легкій и тихій, садился на край постели, говорилъ ей о томъ, что она знала и понимала, не слыша словъ.

Разъ какъ-то толстая дѣвчуха, придя въ обычное время, чтобы напоить чаемъ больную, громко и жалобно заговорила о войнѣ: она видѣла въ этотъ день, какъ везли раненыхъ съ вокзала, и не могла успокоиться; вытирала косынкой мелкія слезинки и всхлипывала носомъ.

— А вашъ-то, что же, не пойдетъ, Глафира Павловна?—спросила она, помаргивая бѣлесыми рѣсницами.

Забирая воздухъ, потому что дыханіе ея вдругъ стало короткимъ, Глафира Павловна сказала:

— Онъ у меня единственный, и по закону взять его не могутъ.

— А многіе, Глафира Павловна, добровольцами пошли, сами записываются. Война—оно, конечно, дѣло страшное, но за Родину пострадать лестно.

Глафира Павловна на минуту опустила вѣки и увидала снѣжную лужайку, запущенныя инеемъ березки, а на притоптанномъ снѣгу темный кругъ крови и въ немъ худого, сѣраго зайца съ выпученнымъ застывшимъ глазомъ... Увидала сына, какъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ: онъ стоялъ въ снѣгу, на колѣняхъ въ своемъ узенькомъ нагольномъ тулупчикѣ, шапченка упала, и въ прижатыхъ къ лицу худыхъ дѣтскихъ рукахъ былъ ужасъ отчаянія. Вспомнила, какъ потомъ, всю ночь горѣлъ въ лихорадкѣ и повторялъ жалобно:

— Кровь... Зачѣмъ кровь, мама?!

Пошевелила губами, бросила дѣвчухѣ виновато-скорбно:

— Мой Леня крови видѣть не можетъ... Какой онъ вояка?!

Но дьячиха не унималась, тянула сердобольно и тупо:
— Всѣ мы подь Богомъ ходимъ, Глафира Павловна. Ну, а если вамъ умереть придется—какъ-же будетъ?

...Наплывалъ туманъ, и уже не дьячихъ, а самой себѣ—на большой, важный вопросъ отвѣтила въ забытьѣ больная:

— Что-жъ, если и умру... Я ему не нужна больше... Онъ—за границей, тамъ и останется. А мнѣ пора!..

Въ эту же ночь, томясь тоской и бессонницей, Глафира Павловна сползла съ постели на коврикъ и положила поклонъ передъ старенькимъ кіотомъ, передъ образомъ Богоматери, темный ликъ которой такъ сумрачно скорбно глядѣлъ изъ-за стекла въ скользящемъ свѣтѣ зеленой лампадки. И уже казалось ей, сквозь радугу слезъ: то сама она стоитъ и держитъ у груди своей сына.

...Когда дьячиха прибѣжала, старушка лежала на коврикѣ безъ сознанія, и въ рукѣ ея была зажата темная прядь дѣтскихъ волосъ...

— Нѣтъ, лучше не мучить.

Докторъ отложилъ шприцъ и поднялся.

— Пошлите за священникомъ.

...— Да, за священникомъ.

Эти слова вдругъ что-то облегчили, позволили Глафирѣ Павловнѣ вздохнуть. Напряженно она попробовала приподнять вѣки и открыла глаза.

И то, что мелькало до сихъ поръ въ туманной отдаленности, походило на смутное видѣніе—стало внезапнымъ, яркимъ, понятнымъ. Тѣ шопоты и звуки, и чьи-то шаги, тотъ безконечно далекій голосъ, который уже давно настойчиво хотѣлъ дойти и не могъ до ея сознанія, къ которому такъ мучительно она хотѣла и не могла прислушаться,—стали близкимъ, яснымъ.

Она увидѣла сына.

Не испугалась, не удивилась:

— Ты?..

Протянула руку, дотронулась до волосъ, до губъ его:

— Приѣхалъ? Зачѣмъ?!

Леонидъ Петровичъ взялъ эту ищущую, слѣпую руку, прижался къ ней лицомъ.

— Мама! Мама!..

Отчаянно онъ повторялъ только это слово, только въ немъ одномъ, казалось, было то, что могло облегчить, помочь.

И, не сдерживая рыданій, какъ прежде ребенкомъ, онъ горько всхлипывалъ, какъ будто сердце его толчками выбрасывало огромные, тяжелые камни. Прежде слезы эти всегда стихали: лаской, улыбкой, словами мать умѣла выпить ихъ остроту.

Сейчасъ она дѣлала невѣроятныя усилія и, вбирая грудью весь оставшійся запасъ воздуха, шептала:

— Бѣдный мой мальчикъ... Не нужно...

Тогда, отдѣлившись отъ круга лампы, подошла и встала рядомъ знакомая фигура: пышные волосы, покатыя плечи, прямая полоска бровей. Но голосъ былъ почти не знакомый, разбитый, умоляющій:

— Дорогая... Глафира Павловна, вамъ лучше. Леонидъ здѣсь, онъ останется съ вами... потомъ мы поѣдемъ къ намъ, домой... вмѣстѣ.

Глафира Павловна хотѣла приподняться, поправить кофточку—не смогла. Путались мысли... Наплывалъ свинцовый туманъ...

Въ немъ терялась осенняя полевая дорога, шель чловѣкъ, лицомъ и ростомъ похожій на Леонида, только въ сѣрой солдатской шинели... Да, Леонидъ, но другой, но ужасно грустный, съ мучительно сомкнутыми губами, заостреннымъ подбородкомъ, къ которому пристали брызги грязи...

— Зачѣмъ... пріѣхали? Война... убиваютъ...

Валентина Михайловна съ ужасомъ всматривалась въ восковое лицо, на которое легла тѣнь предсмертной тоски; стиснула руки, захлебывалась бессвязными, жалкими словами:

— Мы не знали... Я не знала... Я настояла. Простите меня. Глафира Павловна, родная, вы не можете, вы не должны умирать. Вы вѣрующій чловѣкъ... Онъ не можетъ идти на...

По тѣлу больной пробѣжалъ трепеть, напряглись безжизненные мускулы, и почти легко она приподнялась на подушкахъ.

Движеніемъ безудержнымъ, внезапнымъ взяла лицо сына, прижала его къ груди, и сѣдая голова ея тряслась, какъ будто надъ ней проносился вѣтеръ.

А глаза широкіе, свѣтлые впились въ темный ликъ Богородицы, такой древній и строгій въ зеленыхъ переливахъ лампы.

— Мать Пресвятая... Заступница...

Вздрагивали плечи, тяжелый потъ медленно сбѣгалъ вдоль впаляхъ висковъ. И все настойчивѣй, все горячѣй бился шопоть въ радугѣ тихаго свѣта.

— Не могу умереть... не могу теперь, Заступница... не хочу. Она вдругъ затихла, медленно легла навзничъ, вытянулась.

— Мама...

— Еще поживу...— еле слышно сказала она опять маленькая, передъ кѣмъ-то будто виноватая и, взявъ руку сына, положила ее себѣ на грудь, на сердце.—Еще... Леничка...

И подъ этой теплой, сладкой тяжестью оно вдругъ дрогнуло, сжалось и ушло вглубь...

Было невидимое, неслышное мгновение—огромная вѣчность,—когда казалось, что сердце навсегда и сразу перестало биться.

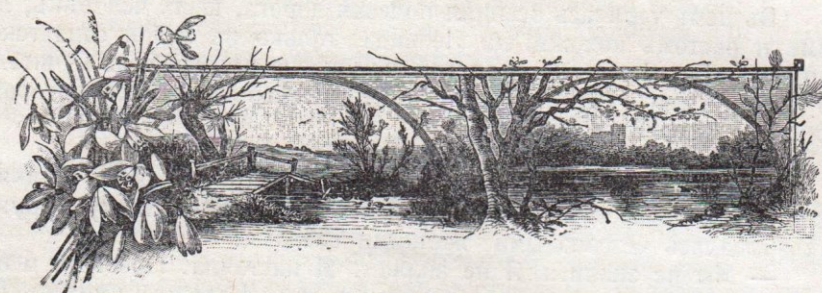
Но уже что-то таяло, какъ льдина, въ груди, уже вздымалось медленными, все болѣе широкими вздохами, посылая тѣлу упругія тихо шумящія волны.

Наклонившись, напряженно, сосредоточенно Леонидъ Петровичъ слушалъ, силясь сдержать жаркій бѣгъ слезъ.

Какъ нѣжная пружина давно остановившихся часовъ, вдругъ заведенная золотымъ ключемъ, билось подъ рукой его сердце матери, и съ каждымъ ударомъ, побѣждая смерть, въ немъ рождались новые шумы жизни...

К. и О. Ковальскіе.

Емельянь.

Разсказъ Сергѣя Гарина.

Весна приходила медленно, но настойчиво.

Запотѣлъ мохъ на опушкѣ лѣса, зазеленѣлъ въ проталинахъ, у корней, ползущихъ по землѣ, и на стволахъ старыхъ деревьевъ. Ярче зеленѣли хвои. И на березахъ и тополяхъ намѣчались почки, топырились вѣтки въ сторону, въ высь, къ солнцу... И вздыхалъ весь лѣсъ полной, проснувшейся грудью...

Рѣка была еще скована льдомъ, и потому перевозъ не дѣйствовалъ: лодка лежала на берегу, опрокинутая кверху дномъ, на двухъ осиновыхъ корягахъ.

Около опрокинутой лодки возился высокій, худощавый старикъ—Емельянь-перевозчикъ.

Скинулъ онъ полушубокъ, засучилъ рукава красной рубахи и идетъ вдоль борта лодки съ долотомъ и паклей. Съдья космы перевозчика раздуваются идущимъ съ рѣки вѣтеркомъ, и на лицѣ, изрытомъ морщинами, лежитъ печать сосредоточенности. Глаза сѣрые, старые, но еще зоркіе, знаютъ свое дѣло и не упустятъ ничего. Работаетъ Емельянь часами, молча, неспѣшно. Изрѣдка оторвется, отойдетъ въ сторону, полюбуется на работу, погладитъ правой рукой жидкую сѣдую бородавку, и опять берется за молотокъ.

Къ лодкѣ подошли мужикъ и баба. Мужикъ—здоровый, рыжій, лѣтъ пятидесяти, въ рваномъ полушубкѣ и валенкахъ, а баба—тощая, заморенная, какъ заѣзженная лошадь. На ней тоже полушубокъ и мужицкіе сапоги, и лицо бѣлое, словно восковое.

Подходила она размашисто, грузно, шлепая по грязи, а мужикъ шелъ сгорбившись, вяло, мелкими шажками, ставя ноги въ валенкахъ криво, по-медвѣжьи. И за спинами оба несли холщевые мѣшки, а въ рукахъ—кюки.

— Богъ въ помощь!—сказалъ мужикъ, подходя и кланяясь.

Емельянь, не отрываясь отъ работы, поблагодарилъ. Мужикъ съ бабой постояли съ минуту молча, въ нерѣшительности, а затѣмъ мужикъ спросилъ:

— Надолго хватить?

Емельянь пересталъ стучать и повернулъ голову.

— Ты это насчетъ работы, что-ли?

— Про нее...

— Къ вечеру, Богъ дастъ, кончу!

— Помогай Господь!
— А вы что: къ селу пробираетесь?—спросилъ Емельянь, разглядывая обоихъ.

— Къ селу... къ селу!—заговорила баба.—Да какъ попасть на тотъ берегъ и ума не приложимъ!

— Трудно!—согласился ея спутникъ и сокрушенно мотнулъ головой.—Вотъ птица, та дѣйствительно... той легко!

Улыбнулся Емельянь. Исчезла суровость съ лица, и сѣрые глаза смотрятъ теперь на мужика съ бабой съ ироніей.

— Да, жаль, что человѣку крылья не дадены!.. Махнули-бы вы, теперь, на тотъ берегъ однимъ махомъ, и не надо-бы вамъ: ни моей лодки, ни меня самого!

— Хи... хи!—скривила ротъ баба и закрылась почему-то концомъ шерстяного платка.—Вотъ ужъ это правильно!

— А можетъ быть и къ лучшему, что у человѣка нѣтъ крыльевъ!—какъ-бы промечталъ Емельянь, устремивъ глаза за мужика и бабу.—Сколько зла онъ и безъ крыльевъ творить!

Отмахнулся рукой и принялся за работу. И, стуча тихо молоткомъ по долоту, спросилъ:

— А вы чьи-жъ будете?

— Мы жъ?.. Да мы жъ Анаповскіе! Митрія, то-ись, родители! А теперича, значить, къ яму на праздники идемъ!

Перевозчикъ приостановилъ работу. Смѣрилъ ихъ удивленнымъ взглядомъ.

— Митрія?.. Это тотъ, что у попа въ работникахъ?.. Чурчавый такой?

Расцвѣтилась улыбкой баба. Восковое лицо подернулось дымкой радости.

— Ень самый!

— Правильно!—подтвердилъ серьезно мужикъ.—Самый онъ, нашъ сынъ настоящій и есть!

— Такъ вотъ оно что!—протянулъ Емельянь и сталъ снова работать.

Непріятно ему стало. Поповскій работникъ второй годъ съ его дочерью, Матреной, любитя, жениться норовить, да противится этому браку Емельянь. Нѣтъ ничего у Дмитрія за душой, кромѣ пары сапогъ новыхъ на подборахъ, да пары дюжихъ плечъ, а его Матрена какъ никакъ—невѣста. Не миллионщикъ Емельянь, но есть кое-что у него про черный день, да хозяйство исправное, да скотина... Прочить онъ дочь свою за сельскаго лавочника, вдовца. Не молодого, правда, но тоже съ деньгой.

— Такъ вотъ оно что?!—тянетъ снова, между работой, Емельянь.—Такъ вы, значить, Митрія родители?.. Не попасть вамъ, люди Божіе, и завтра въ Красный Звонъ!..—вдругъ говоритъ онъ мужику и бабѣ.—Ежели даже сегодня ночью двинется рѣка—не пройти къ завтрашнему вечеру грузному льду! А при такомъ порядкѣ я ночью не повезу! А вотъ послѣзавтра, утромъ, навѣрняка попадете!

Мужикъ съ сердцемъ почесалъ затылокъ...

— Куда-жъ мы теперь?

— Ишь ты горе-то какое.. — покачала баба головой.—Просто, хошь повертай въ обратную!..

Емельянь подумалъ.

— Зачѣмъ въ обратную?.. У меня переночуете. Изба, слава

Богу, на всѣхъ хватить! Кстати: Матрешку мою поглазѣте! Небось, отписываль вамъ про нее Митрій!?

Онъ пытливо взглянулъ на обоихъ.

— Отписываль!—махнула рукой баба и вытерла концомъ платка глаза.—Да што, ужъ не судьба, видно!

— Парень-то нашъ Митрій хорошій!—мрачно сказалъ мужикъ.— Не пьющій... работащій! Голь.. дивствительно... Такъ это ужъ отъ Бога!

До обѣда говорятъ родители Дмитрія съ Емельяномъ. Ерошится ледъ на Воронкѣ, дуютъ вѣтры въ него теплымъ, весеннимъ дыханіемъ. А надъ головой небо уже синее, съ круглымъ-раскаленнымъ солнцемъ. И, вскидывая порой голову къ нему, Емельянъ щурится, чему-то улыбается и дышитъ полной грудью...

* * *

Не спится Емельяну. Ворочается онъ съ боку на бокъ на широкой лавкѣ. Жарко въ избѣ,—не въ моготу старику.

Медленно всталъ, зажегъ керосиновую лампочку на стѣнѣ и обвелъ избу хозяйскимъ взглядомъ... Вонъ, на печкѣ, чернѣетъ тулупъ, прикрывшій его старуху... Тридцать девять лѣтъ прожилъ онъ съ нею душа въ душу, —дочь вырастилъ. Вонъ разметалась она на со-сѣдней лавкѣ... А на полу, подъ стѣнкой, храпятъ родители Дмитрія... Лежитъ баба, уткнувшись восковымъ лицомъ въ котомку, а мужикъ—затылкомъ, широко раскрывъ ротъ и разбросавъ ноги въ валенкахъ... Подкрутилъ Емельянъ огонь. Всталъ, почесался и подошелъ къ дочери. Лежитъ она въ одной холщевой рубашкѣ, которая сползла съ плеча и обнажила круглую, упругую грудь... Жаромъ пышетъ лицо, огнемъ пылаетъ все тѣло...

«Вотъ и моя баба была такая же!—думаетъ старикъ, глядя съ любовью на единственную дочь.—Тоже огнемъ пылала, когда я за ней бѣгалъ! Весна жизни была у насъ обоихъ... Хорошее было время!..»

Сѣлъ опять на лавку. Задумался.

Вспомнилъ свою молодость. Себя—тоже курчаваго, тоже бездомнаго и голаго, какъ и Дмитрій... И старуху свою—краснощекую, ядреную, дочь сельскаго писаря... Много вытерпѣли оба, пока заносчивый отецъ не далъ своего согласія. И вотъ, прожили столько лѣтъ, достатокъ нажили...

Поглядѣлъ на печку и ухмыльнулся. Лежитъ тамъ его старуха одна-одинешенька, словно былиночка въ полѣ... Нахлынуло что-то внутри, заколыхалось... Всталъ, потушилъ огонь, полѣзъ на печку...

Толкнулъ жену кулакомъ въ бокъ:

— Ну-ка-сь, старуха... подвинься!..

Черезъ день прошла Воронка... Побѣжала синей рябью вода, ныряли въ ней запоздавшія льдины, поглядывая почернѣвшими краями на солнце... А оно плыло въ синей вышинѣ радостное, свѣтлое... Высоко въ небѣ заливался жаворонокъ, и падала пѣсня его и на рыхлую землю, и на шумящій восторженно лѣсъ...

Перевезъ Емельянъ родителей Дмитрія на тотъ берегъ... И, когда выходили тѣ изъ лодки, сказалъ имъ, чему-то улыбаясь, весело:

— Да ужъ присылайте сватовъ! Что съ вами подѣлаешь!..

Сергій Гаринъ.

КОНСТАНТИНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ВАРЛАМОВЪ.

Талантливѣйшій русскій комикъ.

Заслуженный артистъ Императорской русской драмы.

† 2-го августа 1915 года.

Война и печать.

Годъ войны ясно доказалъ, какую полную переоцѣнку всѣхъ цѣнностей внесли надвинувшіяся событія. Подъ ихъ напоромъ одна за другой исчезали иллюзіи, уступая мѣсто фактамъ. Если-бы наши «великіе» политики, «оздоровители» русской жизни, начиная съ величайшаго изъ нихъ, покойнаго Столыпина, обладали какимъ-либо даромъ предвидѣнія, какими-либо искрами творчества, сколько-нибудь широкимъ кругозоромъ, если-бы они умѣли-бы «честно мыслить», безъ страха и боязни глядя въ грядущее,—они должны были давно понять, что всѣхъ воздвигаемыхъ ими плотины и загородки не смогутъ его задержать.

Народъ и страна уже вышли изъ состоянія покоя и вернуть ихъ къ небытію невозможно никакими полицейскими мѣрами, никакими «охранками», никакими жупелами зоологическаго націонализма, разжигающаго низменныя страсти.

Грозный богъ войны обернулъ свой ликъ къ Россіи, потребовалъ высшаго напряженія всѣхъ ея силъ. Но нуженъ былъ цѣлый годъ кровавыхъ событій, потрясающихъ жертвъ, героическихъ подвиговъ арміи и пламеннаго энтузіазма всѣхъ силъ страны, прежде, чѣмъ правительство рѣшило выслушать ея голосъ, созвавъ Государственную Думу. Цѣлый годъ голосъ страны былъ заглушенъ, общественное мнѣніе придавлено, печать стѣснена до послѣднихъ предѣловъ. Введеніе военной цензуры, охраняющей оглашеніе необходимыхъ военныхъ тайнъ, покорно приняла республиканская Франція и свободолюбивая Англія, учитывая это обстоятельство, какъ необходимую жертву. Война требуетъ жертвъ. Это всѣмъ понятно, всѣмъ ясно. Печать сознательно принесла эту жертву, ибо она идетъ на пользу страны и народа, идетъ на то, что съ перомъ въ рукахъ защищаетъ каждый честный журнальный работникъ. Но отъ русской печати, въ силу стеченія «чисторусскихъ» обстоятельствъ внутренней политики, потребовали не жертвъ, а самозакланія — полнаго отреченія отъ своихъ правъ, полной безгласности, полнаго молчанія по жгучимъ вопросамъ.

Цензурная вакханалія дошла вскорѣ же до того, что презрѣла всякій здравый смыслъ и обратилась въ сплошной произволъ. Одинъ цензоръ изъ одного органа дѣлалъ «выемку», не допуская къ печати «крамольный матеріалъ»; другой въ другомъ органѣ безпрепятственно пропускалъ отреченное первымъ. Въ столицахъ одному органу разрѣшалось печатать то, что не разрѣшалось другому. Въ провинціи цензура вычеркивала разрѣшенное столичными цензорами, а администрація налагала штрафы на подцензурныя изданія. Не было такого вопроса дня, даже касавшагося прямо военныхъ событій, который могъ быть использованъ свободно цѣликомъ въ печати. Журналы и газеты выходили усѣянными пробѣлами. Редакціи вынуждены были заявлять, что такая-то статья по независящимъ обстоятельствамъ не можетъ появиться въ номерѣ или что не могла появиться своевременно и появляется заднимъ числомъ, когда уже острый моментъ ея злободневной темы былъ упущенъ... Тамъ, на позиціяхъ доблестная армія грудь съ грудью билась съ врагомъ, здѣсь—въ тылу—цензура вела бой съ внутреннимъ врагомъ—русской печатью, единственнымъ выраженіемъ придавленнаго, но не измѣнивашаго своимъ лозунгамъ общественнаго мнѣнія, съ свободной совѣстью страны, истекающей кровью и каждый день являющей великіе образцы терпѣнія и героизма, выявляющей изъ подспудныхъ глубинъ все новыя и новыя силы.

Произволъ и безгласность пожрали сами себя. То, чего нельзя было въ свое время касаться въ печати—обо всемъ томъ, что открывало правдѣ глаза,—Россіи пришлось заднимъ числомъ узнать съ трибуны Государственной Думы, узнать тайную цѣль годъ истину, что безгласность приводитъ къ печальнымъ результатамъ, не къ одолженію врага, и идетъ лишь ему на помощь.

Годъ войны не измѣнилъ мнѣній «бывшихъ» членовъ правительства, Маклаковыхъ, Сухомлиновыхъ, Щегловитовыхъ, Саблеровъ съ ихъ друзьями. Они ничему не научились за исторической годъ, но преподавали ей все тѣ же уроки мракобѣсія, безгласности и застоя. Бывшій военный министръ, съ пропускомъ законнаго срока, внесъ въ Государственную Думу тотъ самый законъ о военной цензурѣ, изданный въ порядкѣ пресловутой 87-ой статьи,—законъ, на опытѣ доказавшій не только всю свою несостоятельность, но и то зло, которое происходило отъ безгласности печати, тогда какъ страна нуждалась больше всего въ организаціи всѣхъ силъ и руководительствѣ общественнымъ мнѣніемъ. Думѣ приходится теперь вырабатывать новый законъ о печати въ военное время, и лицомъ къ лицу столкнуться съ тѣми фактами, съ которыми впродолженіе цѣлаго года ежедневно сталкивалась русская повременная печать, героически отстаивавшая на протяженіи почти четырехсотъ дней свое право предъ всеильнымъ произволомъ, не встрѣчавшая нигдѣ поддержки. Маленькіе сатрапы этихъ четырехъ

сотъ дней, цензора, преподнесли самой Думѣ большой сюрпризъ, замѣчательный изъ замѣчательныхъ отпрысковъ русскаго произвола. Петроградское телеграфное агентство, содружное всегда съ цензурнымъ вѣдомствомъ, разослало во всѣ веси и города Россійской Имперіи оповѣщенія *особаго рода* о первомъ выступленіи Государственной Думы 19 іюля. Это былъ не сухой и краткій, обычный для канцеляристовъ агентства, отчетъ о засѣданіи, но специфическая фабрикація общественнаго мнѣнія въ стилѣ «ура»-патріотовъ. Рѣчи министровъ и курскаго депутата Маркова II были переданы по телеграфу полностью, но всѣ выступленія оппозиціи, вся суть думскаго перваго засѣданія, закончившагося, какъ извѣстно, разоблаченіемъ тайнъ артиллерійскаго вѣдомства и требованіемъ слѣдствія, было исключено телеграфнымъ агентствомъ. Дѣло этимъ не ограничилось. Губернаторы, ставленники Маклакова и продолжатели его политики, не дозволили собственною властью во многихъ губерніяхъ мѣстнымъ газетамъ *перепечатку* отчетовъ о думскомъ засѣданіи по столичнымъ газетамъ. Цензура думскихъ отчетовъ для печати, производящаяся председателемъ Думы и представителемъ военнаго министра, оказалась подъ сугубой цензурой хозяевъ губерніи. Въ Одессѣ пошли дальше. Номеръ «Одесскихъ Новостей» вышелъ не только съ бѣлыми мѣстами вмѣсто рѣчей депутатовъ, но даже рѣчь председателя Думы подверглась сокращенію: мѣстный цензоръ приложилъ и къ ней испытанную руку. Въ Кіевѣ начальникъ штаба военнаго округа прямо заявилъ, что мѣстнымъ газетамъ запрещено печатать стенограммы рѣчей въ Государственной Думѣ депутатовъ «лѣвой фракціи». Все это засвидѣтельствовано фактами, ставшими явными только черезъ думскую трибуну. Эти факты воочію убѣждаютъ, какой курсъ держала правительственная политика по отношенію къ печати и до сихъ поръ продолжаетъ держать администрація, объявляющая себя полною хозяйкой положенія губерніи. Перемѣна министровъ, переѣмка всего правительственнаго курса, заявленная въ томъ же первомъ думскомъ засѣданіи, не есть еще переѣмка системы управления и отмѣна безапелляціоннаго хозяйства на мѣстахъ. Увольненіе десятка губернаторовъ изъ наиболѣе ретивыхъ приверженцевъ старой политики еще не знаменуетъ оздоровленія, побѣды надъ тѣмъ внутреннимъ врагомъ, изъ среды котораго вышли предатели въ видѣ Мясоѣдовыхъ и К-о.

Кстати, всѣ они такъ или иначе были прикосновенны къ учрежденіямъ, являвшимся «охраной» Россіи—департаменту полиціи—и пользовавшимся правами широкой безгласности, анонима и тайны. На почвѣ этой же самой безгласности, объявлявшейся во всѣ времена наверху спасительницей Россіи, созрѣло и то темное дѣло, причинившее неисчислимыя бѣдствія Россіи—постыдное дѣло объ оставленіи арміи безъ надлежащаго снаряженія. Тайна, тщательно скрываемая, обергаемая изъ своекорыстныхъ интересовъ, вскрыться могла только при свѣтѣ гласности. Печать, давно освѣдомленная о порядкахъ артиллерійскаго вѣдомства, вынуждена была молчать. И это вынужденное молчаніе было не на страхъ врагамъ. Враги лучше насъ знали о существующемъ положеніи. Зарубежная печать не молчала о немъ. О недостаткѣ снарядовъ въ арміи не должна была знать Россія, но о немъ хорошо знали наши враги...

Не приученная къ гласности, не воспитанная на ней, Россія своимъ мудрымъ умомъ знаетъ однако, что правда и истина не боятся свѣта солнца, и только темные дѣльцы обдѣлываютъ свои темныя дѣла впотьмахъ. «Военная тайна», касающаяся недостатка снабженія народной арміи, не можетъ быть тайной, опекаемой штатскими цензорами. Это не тайна, а набатный звонъ. Пусть печаленъ фактъ—у арміи не достаетъ снаряженія, но пусть по всей странѣ—по городамъ, селамъ, монастырямъ бьетъ призывъ: «вставайте, помогайте!». Если же по злему умыслу кого-то, какихъ-то лицъ армію оставляютъ безъ снаряженія, то сокрытіе такой тайны не обязанность цензуры, а преступленіе. Былъ Севастополь и была Цусима. Теперь идетъ третье по счету предостереженіе: опомнитесь и покайтесь! Но у насъ нерѣдко долгъ предъ родиной возводили въ преступленіе, а предостереженія исходили не отъ общественнаго мнѣнія, а давались правительственной властью общественному мнѣнію въ лицѣ печати, союзовъ и обществъ. Результатъ предъ всѣми: изъ русскаго алфавита умышленно исключены всѣ гласныя и русскому человѣку предоставлялось право съ помощью однихъ согласныхъ и безгласныхъ произносить нечленораздѣльные звуки до тѣхъ поръ, пока не выявятся особыя обстоятельства, требующія не только членораздѣльной рѣчи, но и мудрости. Въ полосу такихъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ мы вступаемъ теперь. На смѣну бутафоріи и маріонеточныхъ фигуръ уже ощущается потребность выдвинуть людей и лицъ—не «спасателей» отечества, а настоящихъ гражданъ, любящихъ Россію.

Вл. Новоселовъ.

Объединенная промышленность.

Наша промышленность всегда ходила на помочахъ Государственной власти. Послѣдняя являлась въ теченіе вѣковъ доброй нянькой, пѣстовавшей и пеленавшей свое дѣтище. И даже тогда, когда это дитя подросло и стало на ноги, добрая нянюшка все не желала признавать его взрослымъ и продолжала по прежнему водить его на помочахъ, пѣствовать и нянчить его и пѣть колыбельныя пѣсенки, крестя предъ отходомъ ко сну и при пробужденіи ото сна. По отношенію къ промышленности дѣло обстояло именно такъ. Безъ правительственной опеки она не могла сдѣлать шагу, ибо правительство ее насаждало на Руси въ петровскія времена, оно ее лелѣло и холило въ екатерининскіе, покровительствовало, опекало и контролировало въ николаевскіе и до нашихъ дней упорно не желало отрѣшиться отъ той же старой системы. Отъ этого наши промышленники всосали съ молокомъ матери вѣрность двумъ заповѣдямъ: вѣру не въ свои силы, а въ поддержку Государственной власти и благоговѣйное отношеніе къ начальству, олицетворяющему сильную власть. Они чаще являлись ходатаями предъ нею, чѣмъ выступали со своей инициативой.

Доброе дитя выросло у доброй нянюшки, въ добрый часъ желѣзной рукою Петра I-аго прикрѣпленное на русской пустоши. Но однимъ «маніемъ руки» даже вся всесильная петровская власть оказалась безсильной обратить свою вотчину въ промышленное государство. При почти даровой мускульной силѣ крѣпостныхъ рабочихъ рукъ, при надѣленіи фабрикъ и заводовъ даровой землей изъ Государственныхъ угодій, русская промышленность долго дышала на ладанъ, боясь всякой конкуренціи, униженно прося у правительственной власти всякихъ льготъ и покровительства. Доходило до того, что одинъ отечественный заводчикъ или фабрикантъ убивалъ конкуренцію другого простымъ способомъ: вчинялъ ходатайство о томъ, чтобы правительство запретило его конкуренту расширять производство, такъ какъ и одной фабрики достаточно для одного района. При поддержкѣ сильныхъ мира, такіа ходатайства увѣнчивались полнымъ успѣхомъ. Правительство не только не видѣло зла въ монополіи, но наоборотъ щедрой рукою раздавало право на нее особенно крупнымъ заводчикамъ. Убивая развитіе мелкой промышленности, оно всемирно поощряло развитіе крупныхъ предприятий. Титулованные владѣльцы, въ видѣ графовъ Строгановыхъ на Уралѣ, Шереметьевыхъ и другихъ сановныхъ лицъ и «знатныхъ иностранцевъ», являлись долго во главѣ русской промышленности. У нихъ все для успѣха, все въ конкуренціи: непочатый уголь земельныхъ угодій, даровая мускульная сила десятковъ тысячъ крѣпостныхъ рукъ, связи въ высшихъ кругахъ, свои люди въ столичныхъ канцеляріяхъ. За ними, по ихъ стопамъ, шло помѣстное дворянство и купечество; предъ миллионнымъ крѣпостнымъ крестьянствомъ были закрыты пути. Россія, какъ голодный въ хлѣбѣ, нуждалась въ заводахъ и фабрикахъ, въ развитіи мѣстного производства, ибо за отсутствіемъ путей и дорогъ за моремъ телушка полушка, да рубль перевозъ, но мѣстному населенію, за исключеніемъ дворянъ и купцовъ, было долго запрещено заводить фабрики и заводы. Иностранцамъ, по закону не имѣющимъ права владѣть крѣпостными, тѣмъ не менѣе дозволяется, въ обходъ закона, пользоваться крѣпостнымъ трудомъ. Указъ о дозволеніи *всѣмъ* строить фабрики и заводы послѣдовалъ много позднѣе. Онъ явился первымъ ударомъ по монополистамъ отечественнаго производства и далъ возможность притоку свѣжихъ силъ къ русской промышленности, изъ всѣхъ слоевъ населенія привлечь къ ней живые элементы. Но до полной мобилизации этихъ живыхъ силъ было далеко. Стремленіе къ профессиональнымъ организаціямъ долго не было сознано въ разъединенной промышленной средѣ. Не было его и среди рабочихъ. Рабочаго вопроса еще не возникало, ибо свободный уважающій себя трудъ не имѣлъ мѣста въ русскихъ предприятияхъ. Рабочіе люди не шли сюда по доброй волѣ, но ихъ силой сгоняли на фабрики: приписывали къ нимъ крѣпостныхъ крестьянъ вмѣстѣ съ землей, или власть помѣщика фабриканта заставляла работать на себя. Творящаяся безобразія на этихъ крѣпостныхъ фабрикахъ, нагло эксплуатировавшихъ трудъ, даже слабосильныхъ женщинъ и малолѣтокъ, были таковы, что даже при всемъ расположеніи къ крупнымъ заводчикамъ, правительственная власть должна была встать на защиту эксплуатируемыхъ. Но эта защита ограничилась нѣсколькими сердо.ольными указами и циркулярами, ибо невозможно было одновременно огнеопально защищать крѣпостное право и вести борьбу съ его ядовитыми слѣдствіями. Защита же его нигдѣ не была такъ упорна, какъ среди нашихъ промышленниковъ. Отмѣна его не была ни для кого такъ невыгодна, какъ для тѣхъ же промышленниковъ, близоруко не понимавшихъ даже своей выгоды. Въ борьбѣ противъ крѣпостнаго права они явились лучшей опорой старой бюрократической Россіи. Правительство въ теченіе

долгаго времени могло опираться на нихъ, какъ и они на правительство. Промышленность у насъ всегда искала защиты сильной власти. Власть всемирно защищала ее въ ущербъ интересамъ всей страны. Это былъ въ полномъ смыслѣ тѣсный союзъ силы физической и силы капитала. Власть защищала капиталъ отъ всякихъ умствованияй, пришедшихъ изъ-за границы. и капиталъ защищала власть, исповѣдуя, что все, что дѣйствительно, то и разумно.

Въ минуту подъема общественной волны 1905 года торгово-промышленники впервые ощутили потребность общественно-политическаго сплоченія. Дальше программы торгово-промышленнаго союза, однако, они не пошли. Союзъ захирѣлъ и приказалъ долго жить. Вліяніе его было ничтожно, но первое выступленіе торгово-промышленной партіи характерно въ томъ отношеніи, что даже для нея, умѣренной и аккуратной въ своихъ требованіяхъ, прошлое стало невозможнымъ. Залогъ лучшаго будущаго уже торгово-промышленный союзъ усматривалъ въ конституціи и немедленно введеніи въ основные законы четырехъ свободъ, въ рѣшающемъ голосѣ Государственной Думы, собранной отъ всѣхъ русскихъ гражданъ и въ отвѣтственномъ предъ Думой министерствѣ, опирающемся на большинство Думы. Экономическая программа союза была зачерчена кратко, но именно теперь любопытно ее возстановить. Это: экономическое содружество торгово-промышленныхъ классовъ и представительство его во всѣхъ общественныхъ организаціяхъ: въ Государственной Думѣ, правительственныхъ учрежденіяхъ и международныхъ торгово-промышленныхъ установленіяхъ и договорахъ. Союзъ желалъ поднять торговлю и промышленность путемъ содѣйствія устройству товарныхъ, кредитныхъ и иныхъ коопераций и путемъ борьбы съ недобросовѣстной торговлей. Такъ было десять лѣтъ назадъ. Голосъ промышленной партіи, вовсе не представлявшей голоса общественной промышленности, прозвучалъ въ общемъ хорѣ голосовъ, привѣтствовавшихъ «перемѣны», и—замолкъ.

За десять лѣтъ мы видѣли профессиональные съѣзды промышленниковъ, слышали голоса представителей трестовъ, различныя ходатайства о покровительствѣ и обузданіи рабочихъ, но не видѣли политической программы, кромѣ столыпинскаго исповѣданія политическаго credo: сначала внутренній миръ—потомъ реформы. Эту же вариацию мы слышали теперь въ Государственной Думѣ отъ г. Горемыкина: сначала миръ, потомъ, послѣ войны—реформы. Но эта вариация настолько устарѣла, что не удовлетворяетъ рѣшительно никого, даже недавно послушные всѣмъ правительственнымъ видамъ промышленные круги. Война принесла огромный сдвигъ. Она переломила всѣ надстройки и перегородки, упорно воздвигаемыя цѣлыми вѣками и вновь реставрированные за послѣдніе годы. Она привела къ спайкѣ и сплоченію общественные круги и впервые заставила выступить и заговорить, какъ одно цѣлое, объединенную русскую промышленность не только какъ профессиональную, но и общественно-политическую организацію. На состоявшемся съѣздѣ военно-промышленныхъ комитетовъ объединенная промышленность впервые возвысила свой голосъ, высказала свое credo. Цѣль ея объединенія и выступления—общественная помощь народной арміи сломить врага. Однѣхъ правительственныхъ мѣръ оказалось недостаточно. Въ тяжкую минуту правительству самому пришлось признать великое значеніе соединенныхъ общественныхъ силъ, недавно еще игнорируемыхъ и искусственно разъединенныхъ «мудрой» политикой. Съ правительственной политикой пришлось сосчитаться и промышленному съѣзду, указать прямо, безъ иллюзій, что общественная работа во имя успѣха арміи возможна только при иныхъ условіяхъ, совсѣмъ непохожихъ на тѣ, которыми до сихъ поръ окружено у насъ всякое общественное дѣло. Существующія условія таковы, что способны ослабить и подорвать самую горячую энергію, самую пламенную вѣру. Невозможность плодотворной работы при такихъ условіяхъ признана даже промышленниками—людьми, наиболее гибко умѣвшими приспособляться ко всѣмъ временамъ. И эта отмѣтка съѣзда сдѣлана не попутно и не вскользь, сдѣлана не рядовымъ членомъ съѣзда, а единогласно избранымъ имъ изъ своей среды постояннымъ предсѣдателемъ; она не встрѣтила ни одного возраженія на съѣздѣ, ни одной поправки. Это въ свою очередь свидѣтельствуеетъ, что дѣйствующая система управленія такова, что даже очень умѣренные оппозиціонеры, какъ октябристы и ихъ водитель А. И. Гучковъ, уже сознали, что пора отбросить иллюзій и заглянуть въ лицо фактамъ, ибо факты таковы, что нельзя закрывать на нихъ глаза и откладывать въ долгій ящикъ. Борьбѣ со слѣдствіями и проходить мимо коренной причины зла можно до тѣхъ лишь поръ, пока это зло не признано. Наши промышленники послѣдніе выступили на общественную арену, но и они, наконецъ, убѣдились, что иллюзій гибнуть, а факты остаются, что закрывать глаза и клонить голову передъ ними есть не гражданская доблесть, а обывательская трусость.

П. Ельнинъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Выпускъ семнадцатый.

	Стр.
Сентябрь. Стихотвореніе А. Лопатина	551
Хазь-Булатъ. Разсказъ А. А. Измайлова	553
Въ пути. Стихотвореніе И. Брянскаго	563
Сердце. Разсказъ К. и О. Ковальскихъ	564
Емельянъ. Разсказъ С. А. Гарина	576
Война и печать. Очеркъ Вл. Новоселова	580
Объединенная промышленность. Статья П. Ельнина	582

КАРТИНЫ: 1) Молитва ребенка. Картина въ краскахъ М. Кикъ. 2) Напрасный зовъ. Автотипія съ картины О. Бёрнеръ.

— КЪ СВѢДѢНІЮ Г.Г. ПОДПИСЧИКОВЪ. —

Съ 15-го Августа текущаго года контора и редакція журнала „ПРОБУЖДЕНІЕ“ переведены въ **собственный домъ**: Петроградъ, Суворовскій проспектъ, 41, противъ Императорской Военной Академіи.

Редакторъ-издатель Н. В. Корецкій.

226191/587

1915 г.

Продолжается подписка на 1915 г.
на двухнедельный,

10-й годъ
изданія

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ
съ картинами въ краскахъ

ПРОБУЖДЕНИЕ

Гг. подписчики получать въ течение 1915 года:

24 РОСКОШНЫХЪ ВЫПУСКА Художественно-Литературнаго и научнаго журнала „ПРОБУЖДЕНІЕ“.

50 ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ КАРТИНЪ: въ краскахъ, на паспарту, фототипии, портреты и друг.

12 КНИГЪ, ВЪ 3-ХЪ ПЕРЕПЛЕТАХЪ СЪ ЗОЛОТЫМЪ ТИСНЕНИЕМЪ, ЮБИЛЕЙНАГО ИЗДАНИЯ СОЧИНЕНІЙ (по случаю 50-лѣтія со дня смерти): **М. И. МИХАЙЛОВА.**
Книги романовъ, разсказовъ, стихотвореній и друг.

ДВА ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ УКРАШЕНІЯ ГОСТИНОЙ:

1. **АТЛАСНЫЙ ГОБЕЛЕНЪ**
въ стиль Людовика XVI-го.
Картина на атласѣ Буше.

2. **ПОСЛѢ ТАНЦА.**
Изящный стѣнной горельефъ художника Годварда.

Два украшенія столовой комнаты:

ПАНО-БАРЕЛЬЕФЪ
„Дикія утки“.

ПАНО-БАРЕЛЬЕФЪ
„Морскіе окуни“.

Художник: Ел. Магюръ и Ф. Эрая. Красивая имитация рельефныхъ бронзов. фигуръ.

ИЗЯЩНЫЯ УКРАШЕНІЯ КАБИНЕТА:

Дѣвушка съ голубями.
ГЕЛЮГРАВЮРА СЪ КАРТИНЫ художника Ш. Шаплень.
Размѣръ 47×68 сант.

Стильный японскій альбомъ
съ картичками японскихъ художниковъ и рельефнымъ тисненіемъ золотыхъ украшеній.

Роскошная стѣнная картина въ краскахъ

знаменитаго итальян. худож. **ГЕРЦОНИ.**

СОЛНЦЕ ВЗОШЛО!

работы пост. Лв. Е. И. Ветич. Голике и Вильб.

Размѣръ 62×80 сант.

Въ ознаменованіе 10-лѣтія „Пробужденія“ будетъ выдана въ концѣ года
ЗНАМЕНИТАЯ АЛЛЕГОРИЧЕСКАЯ КАРТИНА ВЪ КРАСКАХЪ

и вѣстнаго художника **Ф. Лэфлера.**

ПОДЪ ШОПОТЬ ГРЕЗЪ

Размѣръ картички 63×88 с.

Подписная цѣна: на первое полугодіе 4 руб.; на второе 6 руб. на 3 мѣсяца 2 руб.; на три мѣсяца 2 р. 50 коп. На меньшіе сроки подписка не принимается. За границу 12 руб. 2-го полугодія

Редакція журн. „ПРОБУЖДЕНІЕ“, Петроградъ, Невскій, 114.

Редакторъ-Издатель Н. В. КОРЕЦКІЙ.

Цѣна отдѣльнаго № журнала 40 коп.